

ВАНЕССА КЕЛЛИ

Три недели
с принцессой

СТАРМ

Ванесса Келли
Три недели с принцессой
Серия «Неправильные
принцессы», книга 2
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42539062
Три недели с принцессой: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-982594-4

Аннотация

Может ли девушка, происходящая из рода знаменитых куртизанок, надеяться на респектабельное замужество? Нет, – и юной Лие Кин кейд, незаконной дочери одного из английских принцев, это прекрасно известно.

Единственное, на что она может рассчитывать, – это на многолетнюю связь со знатным и богатым покровителем.

Идеальным кандидатом на эту роль мог бы стать друг детства Лии Джек Истон, маркиз Лендейл. Но этот благородный молодой человек и думать не желает о том, чтобы сделать любимую девушку своей содержанкой.

И тогда Лия решается соблазнить Джека, раздувая сдерживаемую им страсть и даже не подозревая, с каким огнем играет...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	26
Глава 2	49
Глава 3	71
Глава 4	97
Глава 5	108
Глава 6	125
Глава 7	139
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Ванесса Келли

Три недели с принцессой

Kelly Vanessa

THREE WEEKS WITH A PRINCESS

© Vanessa Kelly, 2017

© Перевод. А.И. Вальтер, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Пролог

Йоркшир

Рождество, 1809 год

Лия Кинкейд обожала Стоунфелл-Холл в период Рождества, несмотря на то что в эти дни путь в особняк, который она считала своим домом, был ей заказан. Обозревая сверху пышную роскошь центрального холла, сейчас празднично украшенного гирляндами из еловых и лавровых веток, она не могла не испытывать гордости и ощущения собственной причастности.

Однако Стоунфелл не был ее домом. Домом ей служил расположенный неподалеку, чуть дальше по проселочной дороге, коттедж «Колокольчик». Это было бы, без сомнения, прекрасное жилище, если бы только крыша не протекала или печи не чадили под напором восточного ветра. Но ведь вполне возможно научиться жить в доме, где под многочисленными местами протечек расставлены кастрюли. А когда в комнатах становится слишком дымно, можно открывать окна.

Конечно, у Лии не было другого выхода, кроме как мириться с этими протечками и другими мелкими неудобствами. Ее бабушка никогда бы не стала жаловаться владельцу коттеджа, маркизу Лендейлу, на что-либо столь приземленное, как дырявая крыша, потому что голова его светлости, когда они встречались, бывала занята совершенно другим.

Эти двое неизменно пребывали в атмосфере высокой романтики, предоставляя Лии самостоятельно улаживать все мелкие, но досадные неприятности и неполадки.

И если уж говорить о протечках, ее ботинки находились в столь же плачевном состоянии, как и крыша коттеджа, и постоянно промокали. Лия пошевелила замерзшими пальцами ног, чтобы немного их согреть, но в скрюченном положении – она пряталась за деревянным ограждением галереи – было довольно сложно двигаться. Низко пригибаясь, девушка медленно пересекла длинную галерею, опоясывавшую центральный холл. На противоположной стороне она смогла наконец распрямиться и встать на ноги, частично укрывшись за каменной колонной. В заметном отдалении от жаркого пламени камина, пылавшего в холле, было значительно холоднее. Но по крайней мере девушка получила возможность расправить затекшие конечности, чтобы восстановить кровообращение.

С ее места было отлично видно лорда Джона Истона вместе с его дочерью, леди Анной, и женой, леди Джон Истон, для родственников и близких друзей – Элизабет.

Ни Лия, ни ее бабушка не могли считать леди Джон родственницей или другом.

Истоны, проводившие праздники с маркизом Лендейлом, старшим братом лорда Джона, и были главной причиной временного выдворения Лии из Стоунфелл-Холла, который обычно находился в ее полном распоряжении. Если бы леди

Джон заметила Лию или ее бабушку, то обрушила бы на их головы все кары небесные.

Леди Джон винила бабушку Лии, скандально известную Ребекку Кинкейд, в том, что та бесчестит доброе имя Лендейла, и люто ненавидела эту женщину. Для леди Джон Истон не имело значения, что маркиз поселил бабушку Лии в своем поместье уже более десяти лет назад. Или что продолжал открыто содержать ее вместе с внучкой Лией, не скрывая, что намерен поступать так до конца своей жизни. В глазах леди Джон бабушка Лии навсегда оставалась всего лишь шлюхой и коварной бесстыжей чаровницей, заставившей Лендейла полностью потерять рассудок и разрушить свою безупречную репутацию.

Но Лии запрещалось показываться на глаза гостям главным образом из-за Анны. Леди Джон была непреклонна в намерении оградить свою дочь от аморального влияния кого-либо из Кинкейдов.

Прислонившись плечом к колонне, Лия внимательно рассматривала элегантную юную красавицу. Анна была в белом бархатном платье, обильно украшенном блестками, отчего в мерцающем свете свечей массивной люстры, висевшей в центральном холле, она сверкала подобно игрушке с рождественской елки. Ей прочили огромный успех на брачной ярмарке, если верить кухонным пересудам. И сегодняшним вечером она определенно пользовалась популярностью, судя по окружавшей ее толпе молодых холостяков.

Несмотря на ее надменную манеру держаться, Анна очаровательно улыбалась, а смех ее был веселым и заразительным. И Лия подумала, что они могли бы стать добрыми подругами, если бы им предоставили хоть малейшую возможность.

Но, конечно же, этому не бывать никогда. Неприемлемо для столь утонченной молодой леди терпеть оскорбительное присутствие такой особы, как Лия. Ведь она была не только внучкой любовницы Лендейла, но вдобавок дочерью знаменитой актрисы. И к тому же незаконнорожденной. Лия частенько задумывалась, что бы случилось, если бы леди Джон обнаружила, что они с Анной несколько раз случайно пересекались. Скорее всего разразился бы страшный скандал, или по меньшей мере последовало бы много крика и под конец, вероятно, благопристойный обморок.

В визитах лорда Джона и его семьи не было ничего хорошего, совсем ничего за одним удивительным исключением. Джек Истон, старший ребенок и единственный сын лорда Джона и леди Джон, обычно приезжал вместе с ними. И этот факт с лихвой компенсировал все сопутствующие неудобства и унижения.

К несчастью, Лия не имела возможности проводить достаточно времени с Джеком, потому что он оставался в Йоркшире меньше недели, а его чертовы родственники делали все возможное, чтобы полностью завладеть его вниманием. Не то чтобы она могла их винить, поскольку сама мечтала о том

же самом с момента его прибытия.

Лия потеряла Джека из виду около десяти минут назад, потому что холл был переполнен местными дворянами, прибывшими на праздник в гостеприимный дом маркиза Лендейла. Джек выглядел невероятно красивым и удалым в своей новой военной форме. Ничего удивительного, что местные барышни устремились за ним подобно многокрасочной стае трепещущих и неудержимо флиртующих бабочек.

Лия виделась с Джеком всего три раза в год – на Рождество и во время двух школьных каникул, когда он приезжал погостить к дяде один, – поэтому ее не могли не раздражать благовоспитанные светские модницы, имевшие возможность свободно разговаривать, флиртовать и танцевать с ним, когда им вздумается. Это была недоступная ей, недосягаемая роскошь, которой она жаждала всем сердцем.

«Дурочка. Разве Джек Истон может когда-нибудь в тебя влюбиться?»

Разве он мог? Лия была одной из печально известных девиц Кинкейд, как ни нелепо было применять это определение к ней. Худенькая, веснушчатая, плоская как доска, она имела не больше шансов пойти по стопам своей матери и бабушки, чем сотворить кружку пунша из воздуха. Несмотря на свое скандальное происхождение, Лия была самой обычной, заурядной сельской девчонкой.

Однако ее заурядность не давала ей возможности быть принятой в обществе и вращаться среди особ, подобных

Джеку Истону, которому предстояло однажды стать маркизом Лендейлом.

– Снова ведешь скрытое наблюдение из тени, не так ли? Клянусь, из тебя вышел бы отличный шпион в армии Веллингтона.

Лия резко обернулась, отшатнувшись назад. При этом нога ее запуталась во влажном подоле платья, и девушка, слабо вскрикнув, едва не опрокинулась на ограждение галереи, отчаянно размахивая руками в попытке сохранить равновесие. Джек поспешно подхватил ее, не позволив упасть, и прошептал:

– Черт побери, Лия! Осторожнее!

Мельком оглядев холл, Джек увлек девушку в тень в глубине галереи.

– Извини, – пробормотала Лия. – Это было ужасно глупо с моей стороны.

По сравнению с элегантными молодыми леди, с которыми он только что танцевал, она, должно быть, выглядела неотесанной деревенщиной.

Джек обнял было ее, но тут же отстранился и окинул внимательным взглядом.

– Лапочка, не надо извиняться. Это я виноват: подкрался незаметно и напугал тебя. К счастью, вовремя: а то бы перевалилась через перила.

– Джек, я не настолько уж неуклюжа.

В его темных глазах заискрился смех.

– Конечно, нет. Даже не знаю, как я мог предположить такое.

– Наверное, это потому, – вздохнула Лия, – что за все эти годы тебе не раз приходилось спасать мне жизнь.

– Ну, я по меньшей мере дважды вытаскивал тебя из пруда. А вспомни про осиное гнездо, которое ты разорила и чуть не свалилась с дерева. И когда опрокинула тот тяжелый стеллаж в библиотеке...

– Вообще-то по меньшей мере в двух из упомянутых случаев был виноват ты. Но вынуждена признать, ты спасал меня много раз. И, между прочим, с твоей стороны большое свинство упоминать об этом.

– В самом деле? Но что бы ты делала, не окажись я рядом? Он шутил, разумеется, но сердце ее тоскливо сжалось. Очень скоро ей придется обходиться без него. Джек стал теперь взрослым мужчиной. Военным. Всего через несколько недель для него начнется новая жизнь, полная опасности и риска. Одному Богу известно, когда они увидятся вновь.

– Надеюсь, я прекрасно проживу без тебя, – сказала она нарочито веселым тоном. Ей не хотелось омрачать высокопарным драматизмом их последние совместные минуты. Джек и так с избытком получал это от своей матери. – Очень мило с твоей стороны подняться сюда, чтобы повидаться со мной.

– Я заметил, как ты ползком пробиравась за ограждением. Тебя выдала вот эта красная накидка. Хотя я уже дога-

дывался, что найду тебя здесь.

Сердце Лии бешено забилося в испуге.

– Кто-нибудь еще видел меня?

Лорд Лендейл сильно бы рассердился, если бы узнал, что она подглядывает за его гостями. Предполагалось, что она вообще покинет дом, а не станет прятаться на галерее, рискуя быть замеченной.

– Больше никто тебя не видел, – заверил Джек. – Только Ричард, но он всегда все замечает.

Лия вздохнула с облегчением.

– Тогда все в порядке. Он меня отругает, но доносить об этом его светлости не станет.

Ричард, старший лакей, был одним из преданнейших сторонников Лии в Стоунфелл-Холле. Когда она появилась в этом доме много лет назад, он был всего лишь прислужником на кухне. Они практически выросли вместе.

– К счастью, мне удалось отвлечь Деббинза, прежде чем он тебя заметил, – сказал Джек.

В отличие от большинства слуг, относившихся к Лии снисходительно, дворецкого оскорбляло само ее существование.

– Спасибо, что спас меня, – сказала она смущенно. – В очередной раз.

– Деббинз обращается с тобой дурно? – нахмурившись, спросил Джек.

– Конечно, нет. Лорд Лендейл никогда бы этого не позво-

лил.

– Но он с тобой не слишком любезен, не так ли?

Лия пожала плечами.

– Это не очень-то меня беспокоит.

Джек еще больше нахмурился.

– Я поговорю...

– Нет. Это ничуть не поможет.

– Лия...

– Почему мы разговариваем об этом старом привереднике? У нас и так совсем не было времени побеседовать. И, думаю, скоро тебе придется вернуться вниз, пока тебя не хватились. – Она с улыбкой взглянула ему в лицо, такое красивое и родное. – Как твои дела? Тебе нравится служба в конной гвардии? Должна сказать, ты просто неотразим в военной форме.

Джек с гордостью улыбнулся и снова стал похож на прежнего мальчишку.

– Все даже лучше, чем я ожидал. Меня направили в нортумберлендский штаб, так что в ближайшие месяцы я рассчитываю оказаться в Пиренеях.

Сама мысль о том, что он отправится в самую гущу военных действий, привела девушку в ужас, но она не подала виду, чтобы не огорчать его. Джек всегда мечтал о военной карьере, и благодаря благорасположению дяди, купившего ему патент офицера, эта заветная мечта наконец осуществилась. Как верный друг, она должна была радоваться за него.

– Прекрасно, – сказала Лия. – Надеюсь, ты найдешь возможность время от времени писать нам сюда, в старый скучный Йоркшир. Здесь ужасно тоскливо, как ты знаешь. Твои письма всегда желанная отдушина для меня и бабушки.

– Я буду писать, как только представится возможность.

– Обещаешь, что не забудешь? – выпалила Лия, не удержавшись.

Его темные глаза смягчились и потеплели.

– Я никогда не смогу забыть о тебе, и ты это знаешь.

Она попыталась улыбнуться. Конечно же, он о ней забудет. В конце концов, она всего лишь девчонка, ей нет еще даже шестнадцати. У него не будет никаких причин обращаться к смутным теплым воспоминаниям о ней. Разве что изредка.

Но для Лии Джек был целым миром.

Когда маленький оркестр с жаром принялся играть новый танец, они оба посмотрели в холл на танцующих.

– Тебе лучше спуститься вниз, пока тебя не хватились, – тихо произнесла она.

– У меня есть еще несколько минут, а ты так и не сказала, как у тебя дела. – Окинув взглядом ее фигурку, он взял ее за руку. – Подол у твоей накидки намок, пальцы совсем заледенели.

Хоть она и вправду замерзла, ее это не беспокоило ни капельки, раз она могла провести время с Джеком.

– Я в порядке.

– Ты пришла через сад за домом?

– Это наилучший способ попасть сюда незамеченной.

Значит, ей пришлось пробираться по сугробам в фут глубиной, чтобы проникнуть в дом через библиотеку его светлости.

Джек неодобрительно покачал головой.

– Тебе необходимо согреться, прежде чем отправишься назад, иначе ты схватишь простуду.

– Правда, Джек, это...

Он пресек ее возражения, буквально потащив к лестнице на другом конце галереи.

– Что ты делаешь? Кто-нибудь может нас увидеть, – прошипела она сердито.

– Только если ты не перестанешь шуметь, глупышка.

Лия раздраженно фыркнула, делая вид, что обижена его своеволием, хотя в действительности была рада. Она охотно последовала бы за Джеком Истоном в самую преисподнюю, если бы только он попросил.

Они крадучись спустились по узкой винтовой лестнице в нижний коридор, ведущий от центрального холла в восточное крыло, где располагались библиотека, малая столовая и одна из малых гостиных. Поскольку в такое время эти помещения не использовались, в коридоре было совершенно пусто, но неожиданно перед ними, словно из-под земли, возник Ричард. Лия испуганно ахнула, а Джек спокойно произнес:

– А, это ты. У мисс Лии намокла накидка, вот мы и реши-

ли зайти в библиотеку, чтобы она немного согрелась, перед тем как вернуться в коттедж.

– Очень хорошо, сэр. Я взял на себя смелость разжечь в библиотеке камин несколько минут назад, так что там теперь должно быть тепло и приятно.

Лия, сморщив нос, взглянула на молодого лакея, державшегося с поразительным для столь юного возраста достоинством.

– Как ты догадался?

– Разве мы не говорили чуть раньше, что Ричард всегда все знает? – сказал Джек. – Ну, пойдём, пока ты не замерзла насмерть.

Он повлек её по коридору, Лия оглянулась через плечо и благодарно улыбнулась Ричарду, но тот лишь неодобрительно покачал головой. Молодой лакей явно тревожился, как бы она не попала в беду, но Лия не могла себе даже представить, что ей угрожает с Джеком. С ним она всегда чувствовала себя в безопасности.

Они проскользнули в библиотеку. Шаги их заглушал толстый аксминстерский ковер, застилавший холодный каменный пол старого здания.

Джек провел девушку к камину и усадил в глубокое мягкое кресло. Удовлетворенно вздохнув, она вытянула ноги поближе к весело потрескивающему пламени, наслаждаясь теплом, а он, опустившись на корточки, коснулся её ступни и воскликнул:

– Боже милостивый. Твои ботинки промокли насквозь. – Ладонь его скользнула к лодыжке. – И чулки тоже.

Его горячие пальцы обжигали кожу даже сквозь толстый шерстяной чулок, словно ставили на ней клеймо. Щеки ее запылали, и девушка резко отдернула ноги, засунув ступни под кресло. Пробормотав ругательство, Джек вытянул их обратно и положил на подставку для дров.

С неудовольствием осмотрев ее ботинки, он спросил:

– Когда в последний раз ты получала новую пару?

Смутившись еще больше, Лия только пожала плечами. Ботинки, доставшиеся ей от бабушки, прекрасно служили для прогулок в ясную погоду по сухой дороге, но для сырости не подходили: подметки заметно прохудились. Даже стельки из лоскутков шерсти и полотна не помогали: ноги промокали.

С тяжелым вздохом Джек поднялся на ноги. В свете пламени камина отчетливо вырисовывались его широкие плечи и длинные мускулистые ноги. Лия могла бы поклясться, что с тех пор как видела его в последний раз, он стал выше по меньшей мере на два дюйма и определенно раздался в плечах, что заметно добавило ему привлекательности.

– Итак, повторяю вопрос: сколько лет этим ботинкам? – прервал ее размышления Джек.

Она неопределенно махнула рукой.

– Просто эти из моих старых. Не хотелось портить хорошие ботинки в снегу.

Джек насмешливо фыркнул: мол, верится с трудом, – но Лия предпочла не вступать в пререкания. Денег последнее время катастрофически не хватало, хотя она не знала точно, почему. Обычно лорд Лендейл снабжал их с бабушкой всем необходимым, но с некоторых пор стал несколько забывчивым и упускал отдельные детали, такие как, например, новые ботинки для нее или любимый бабушкин чай «ганпаудер», который специально присылали из Лондона.

Гораздо хуже, что он упускал из виду ремонт все больше протекающей крыши в их коттедже, что было далеко не роскошью.

– Я поговорю с дядей, – пообещал Джек. – Он позаботится, чтобы ты получила новые ботинки.

Девушка резко подалась вперед в своем кресле.

– Нет, пожалуйста, не надо.

– Не будь дурочкой, Лия.

– Джек, я серьезно. Не стоит поднимать шум из-за пустяков.

– Но почему? Дядя Артур будет очень расстроен, если узнает, что ты расхаживаешь с мокрыми ногами.

– Потому что бабушка терпеть не может беспокоить лорда Лендейла, вот почему. Или заставляя его чувствовать себя виноватым, что еще хуже. Он всегда так хорошо относится к нам. И мы не имеем никакого права жаловаться.

Поскольку Джек стоял спиной к огню, лицо его находилось в тени, но по его напряженной позе Лия поняла, что он

недоволен.

– Джек, пожалуйста, оставь это. Ради меня.

– Ему следовало бы лучше заботиться о тебе, – произнес он сердито.

– Лорд Лендейл прекрасно заботится о нас, уверяю тебя. – Лия похлопала по подлокотнику кресла рядом с собой. – Присядь, пожалуйста, хотя бы на минуту. Ты нависаешь надо мной, как гигантский призрак. Это меня пугает.

– Это просто смешно! Давай-ка сходим перед отъездом в деревню, и я куплю тебе новые ботинки. – Он пресек ее возражения властным взмахом руки. – Пусть это будет моим подарком тебе на Рождество.

Джек был чрезмерно честным и верным, и Лия знала, что он искренне беспокоится о них с бабушкой, потому что лучше, чем кто-либо, понимал шаткость их положения: полную зависимость от поддержки лорда Лендейла.

У Лии, знавшей Джека много лет, создавалось впечатление, будто он считает, что его дядя обошелся с Ребеккой Кинкейд не так хорошо, как следовало бы. Она тоже была почти согласна с этим мнением, хотя это и казалось вероломным предательством по отношению к человеку, который многие годы заменял ей отца.

– Благодарю тебя, – сказала она с теплой улыбкой, – но это слишком уж щедрый подарок.

– Не могу же я спокойно отбыть в Пиренеи, зная, что ты отмораживаешь себе ноги здесь, в Йоркшире. Я бы так бес-

покоился о тебе, что скорее всего совсем бы зачах.

Лия рассмеялась.

– А сейчас ты просто дурачишься.

– Верно, – улыбнулся ей Джек. – Но тебе следует знать, что я в любом случае собирался отправиться за подарком, прежде чем уехать в Лондон.

Она постаралась скрыть боль, пронзившую ее при мысли, что он уезжает так далеко.

– У меня тоже есть рождественский подарок для тебя.

– Лапочка, это очень мило с твоей стороны, но я не хочу, чтобы ты тратила на меня свои жалкие крохи. – Звук его низкого голоса окутывал ее, даруя теплоту и спокойствие.

– Тогда ты будешь рад услышать, что я не потратила ни пенни, – ответила она с задорной улыбкой.

– Проказница, – усмехнулся он. – Что же ты мне приготовила?

Она сунула руку под накидку и вытащила из внутреннего кармана платья свернутый квадратом кусочек ткани. Осторожно развернув его, она показала Джеку маленький предмет, содержащийся внутри.

– Боже милостивый! – ахнул он, протянув руку. – Где ты ее нашла?

– В развалинах аббатства за Рипоном. Твой дядя возил туда нас с бабушкой в августе прошлого года.

Пока ее бабушка с его светлостью сидели на одеяле и тихо беседовали, глядя друг на друга влюбленными глазами, Лия

отошла подальше, решив обследовать руины. Взбираясь на полуразвалившуюся стену, она поскользнулась и свалилась на траву, и хотя не поранилась, старая кладка осыпалась, и там, в густой пыли, перед ней оказалась старинная римская монета.

Лия сразу же сообразила, как поступит со своей находкой. Джек увлекался историей и в каникулы много времени посвящал исследованию развалин. Его привлекали руины сооружений, некогда созданных римлянами, саксами или норманнами. Бабушка позволила Лии даже несколько раз отправиться вместе с ним, и однажды туда, где она нашла эту монету.

– Это же то самое место, куда я брал тебя, когда ты была совсем маленькой, – сказал он, поднося монету к свету.

– Не такой уж маленькой, – возразила она.

– Тебе было всего девять лет, – напомнил ей Джек.

– Ну да, ты прав, – буркнула Лия, явно недовольная: похоже, он и сейчас считает ее маленькой девочкой.

– И ты была довольно неряшливой, насколько мне помнится, – пошутил он.

– Теперь ты говоришь прямо как бабушка.

Он протянул руку и потянул за один из локонов, свисавших ей на щеку.

– Я просто дразнил тебя. Seriously, Лия, эта монета в отличном состоянии. Ты уверена, что хочешь отдать ее мне?

– Конечно, – ответила она, уязвленная тем, что он мог до-

пустить, что она передумает. – Я же сказала, что это рождественский подарок тебе.

Когда он изучающе посмотрел на нее, она ощутила странную неловкость, словно он увидел в ней нечто новое.

– Спасибо тебе, милая девочка. – Джек спрятал монету во внутренний карман мундира. – Я всегда буду носить ее с собой, как талисман на удачу.

– И она будет напоминать тебе обо мне, когда ты будешь далеко.

– Глупышка. Разве я смогу когда-нибудь забыть тебя?

Если бы только она могла в это поверить.

– Правда?

– Конечно. Ты мой самый лучший и дорогой маленький друг.

Она еле сдержала горестный вздох.

Когда часы на каминной полке тихо отбили четверть часа, Джек недовольно поморщился.

– Тебе нужно идти, – сказала Лия.

– Да. Мне очень жаль. Прости.

Лия поднялась с кресла.

– Не глупи. У тебя будут неприятности, если ты еще удержишься.

Он взял ее за руку и подвел к стеклянным дверям, ведущим на террасу и в сад за домом. Отсюда можно было пройти на тропинку, уходящую к коттеджу «Колокольчик».

– Иди прямо домой, – сказал Джек, открывая двери. – Не

задерживайся, пытаюсь подсмотреть, как проходит праздник. Понятно? Иначе ты опять замерзнешь.

– Хорошо, Джек, – покорно ответила она. – Не надо обо мне беспокоиться.

Она сама могла позаботиться о себе, но его участие и забота согревали ее сильнее любого огня.

– Обещаю, что зайду к вам с бабушкой в День подарков¹, – сказал он.

Лия улыбнулась и выскользнула за дверь, на мгновение остановилась и тихо произнесла:

– Уже поют рождественские гимны.

Он вышел за дверь и встал рядом с ней на широкой террасе, где каменный пол был очищен от снега. Когда он машинально положил руку ей на плечи и чуть притянул к себе, у Лии перехватило горло от внезапно нахлынувших чувств.

Из центрального холла доносились восторженные, хотя и несколько фальшивые звуки гимна «Радуйся, мир».

Лия подняла взгляд к небу, темно-синему своду с яркими блестками звезд, и удивленно ахнула:

– Ты только посмотри на это!

Джек проследил за ее взглядом и рассмеялся. Это была падающая звезда, да не одна: за первой понеслась вторая, затем еще и еще, словно их выпустили из ствола пушки.

– Скорее, Лия, загадай желание! – воскликнул Джек.

¹ День подарков в Англии отмечают сразу после Рождества; в этот день принято одаривать слуг, арендаторов, бедняков и т. п. – *Примеч. пер.*

Ей на ум мгновенно пришло аж два желания: первое – чтобы Джек вернулся домой невредимым, какие бы трудности и опасности ни встретились ему на пути; второе – чтобы однажды они вот так же стояли на этой террасе, но уже как взрослые мужчина и женщина. И тогда она наконец скажет ему, что любит его всем сердцем.

– А ты успел загадать желание? – прошептала Лия.

– Да.

– Ты скажешь мне, какое?

Он чмокнул ее в макушку, прежде чем уйти.

– Нет. Если скажу, оно не исполнится, а кроме того, ты наверняка рассердишься.

Она ткнула его в бок.

– Ты действуешь мне на нервы, Джек Истон.

Он улыбнулся ей, невероятно красивый, и легко сказал:

– Да, знаю, но я заглажу свою вину в следующий раз.

– Обещаешь?

– Зуб даю!

– Тогда до скорого свидания! – сказала она, сбегая по лестнице в сад.

– Лия!

Она оглянулась через плечо, и Джек весело пожелал:

– Счастливого Рождества!

И опять у нее перехватило горло, так что она не смогла произнести ни слова, и просто махнула рукой, прежде чем ускользнуть в темноту зимней ночи.

Глава 1

Йоркшир

Июль, 1816 год

– Как он допустил, чтобы все обернулось такой катастрофой? – воскликнул Джек, отодвигая в сторону бухгалтерскую книгу.

Каждый раз, вновь просматривая чертов гроссбух, он питал слабую надежду, что положение дел не так плохо, как ему показалось, и каждый раз ошибался.

Большая толстая учетная книга в кожаном переплете была лишь одной из нескольких ей подобных, бессистемно сложенных перед ним на письменном столе в библиотеке. По другую сторону этой кучи книг сидел Аттик Линдзи, вдовец средних лет, чье доброе лицо и мягкие манеры сочетались с острым пронизательным умом. Он долгое время служил управляющим в поместье Стоунфелл и слыл достойным всяческого уважения и даже восхищения. И вполне заслуженно, потому что многие годы безропотно улаживал финансовые проблемы и умудрялся смягчать некоторые из негативных последствий. Но сейчас даже деловая хватка Линдзи и преданность семье маркиза больше уже не могли помочь избежать неотвратимого.

Благодаря дяде Джека, прежнему маркизу Лендейлу, Стоунфелл-Холл оказался на грани разорения, как и все фа-

мильное достояние семьи Истон.

Управляющий попытался произнести что-нибудь утешительное, но ему это не удалось.

– Все в порядке, Линдзи, – в конце концов сказал Джек. – Я понял, что мы балансируем на краю пропасти. Единственный вопрос сейчас – как нам из этого выбраться.

Линдзи скривил губы.

– Есть несколько способов, которые можно испробовать, милорд. Например, мы можем вырубить оставшиеся деревья с ценной древесиной в семейном лесу. Выручка от их продажи поможет сдержать кредиторов до следующего квартала.

Джеку очень не понравилась эта идея. Ведь так много благородных деревьев было уже потеряно! Леса Стоунфелла были когда-то самыми обширными и густыми в этой части Йоркшира, но теперь превратились в жалкое подобие былой славы.

– Нет, на это мы пойдем только в самом крайнем случае, – сказал он. – Надеюсь, что урожай в этом году будет лучше и доход от его продажи позволит нам продержаться.

– Конечно, сэр, – не вполне уверенно сказал Линдзи, пристально посмотрев на хозяина.

Другими словами: «Удачи тебе, чертов дурень».

Джек, несомненно, не стал бы винить Линдзи, если бы тот произнес эти слова вслух. Сам он редко занимался делами поместья, хотя уже два года знал, что титул Лендейла перей-

дет к нему. Знал с тех пор, как его отец, наследник своего старшего брата, умер от апоплексического удара, настигшего его в результате злоупотребления выпивкой и другими радостями жизни. Его отец всегда уклонялся от ответственности. Даже в смерти он остался верен себе, переложив на Джека обязанность приводить в порядок дела семьи, оказавшейся на грани разорения.

Что же касается недавно почившего маркиза... ну, дядя Артур был добрым человеком, одинаково преданным своей семье и подруге. И он был более чем щедр по отношению к Джеку, всегда предоставляя ему надежное убежище от его вечно враждовавших и ссорившихся родителей. К тому же он помог ему поступить на военную службу, оплатив офицерский патент.

Однако как деловой человек, ответственный за семейное состояние и наследие, третий маркиз Лендейл оказался настоящим бедствием.

– Прошу меня извинить, милорд, – произнес Линдзи тоном, полным сочувствия. – Я хотел бы сообщить вам более радостные новости, но арендаторы сейчас едва сводят концы с концами. Нам потребуется много урожайных лет, чтобы привести земли в прежнее состояние.

Джек от отчаяния готов был биться головой о чертову стопку учетных книг. Может быть, если делать это достаточно долго, неразбериха в числах как-то сама собой исчезнет. Он так много дней засиживался до поздней ночи над про-

клятой отчетностью, пытаясь отыскать хоть слабую ниточку к спасению, что у него начало темнеть в глазах и голова пошла кругом.

Годами он старался избегать всех семейных драм, сосредоточившись на своей военной карьере. Все силы отдавая службе, он быстро поднимался по карьерной лестнице и в конце концов оказался в подчинении непосредственно у самого Веллингтона. И хотя перипетии войны зачастую не радовали, Джеку нравилась его работа. Если бы судьба распорядилась иначе, он до сих пор оставался бы в армии.

Но судьба повернулась так, что Джек стал тем, кем никогда не хотел быть, – маркизом Лендейлом. Все аристократы, прежние обладатели этого титула, пользовались дурной репутацией и были более известны своей расточительностью и распутством, чем заботой о достоянии, дарованном им Господом и королем.

Ну что ж, будь он проклят, если допустит крах поместья, от которого зависело благополучие его матери и сестры. Они заслуживали лучшей доли, как и его арендаторы, а также слуги, работавшие в Стоунфелле и в лондонском особняке.

И нельзя забывать о Лии и Ребекке, за которых он нес ответственность, как и за всех остальных, кто находился на его попечении.

– А что насчет той идеи, которую вы изложили в своем письме ко мне несколько недель назад, когда я был в Линкольншире? – спросил он Линдзи.

Джек был там на свадьбе у своего близкого друга, герцога Левертонна, женившегося на мисс Джиллиан Драйден, особе, отнюдь не соответствующей общепринятым требованиям. Этот брак обеспечил герцогу желанную отсрочку в решении его затруднений, хотя и создал новую сложную проблему, с которой еще предстояло разобраться.

– Вы имеете в виду возможности разработки месторождений золота и угля в Стоунфелле? – просиял Линдзи. – Предварительные исследования дали весьма обнадеживающие результаты, но чтобы приступить к разработке, нам необходимы...

– Дополнительные инвестиции, – мрачно закончил Джек.

– Да, сэр, для более тщательной оценки и предварительной разведки месторождений. И чтобы продолжать это рискованное дело на данной стадии, нам потребуются дополнительные вложения денег.

– Средств от продажи оставшегося строевого леса в наших владениях будет достаточно, чтобы мы могли начать? – Джеку отвратительна была сама мысль об этом, но он готов был пойти на жертву. Эффективная добыча полезных ископаемых могла бы не только обеспечить работой его бедствующих арендаторов и крестьян, но и помочь расплатиться с долгами, обременяющими поместье.

– Боюсь, этого не хватит, – ответил Линдзи, сокрушенно качая головой. – Без сомнения, нам нужны посторонние инвесторы, чтобы наладить устойчивое производство.

Но любой уважающий себя инвестор захочет получить прибыль как можно раньше. Никто не станет вкладывать деньги, зная, что дохода придется ждать несколько лет, пока Джек не приведет в порядок поместье.

Был, конечно, и еще один способ раздобыть деньги, но он также не приводил Джека в восторг.

Он с шумом захлопнул лежавший перед ним грессбух.

– Думаю, мы оба уже получили достаточную порцию огорчений на сегодня, Линдзи. В ближайшие несколько недель я отправлюсь в Лондон и поговорю там с моими банкирами насчет подыскания возможных, причем терпеливых, инвесторов.

– Очень хорошо, милорд, – сказал Линдзи, вставая. – Если хотите, я могу прощупать почву относительно нескольких частных инвесторов, когда в следующий раз буду в Рипоне.

– Сделайте это, но без лишнего шума. Нам не нужно, чтобы пошли слухи, будто наши дела совсем плохи.

– Как вам угодно, сэръ.

После того как Линдзи собрал бухгалтерские книги и тихо вышел, Джек взглянул на оставшийся перед ним на письменном столе том. У него возникло чувство, будто он навсегда заперт в этой старой душной комнате. Обычно он любил проводить время здесь, в дядиной – теперь его собственной – библиотеке. Она, с ее старинной элегантной мебелью времен королевы Анны, богатой, любовно собранной поколениями его предков коллекцией книг и несколькими весь-

ма впечатляющими глобусами, за долгие годы приобретенными его дядей, всегда была для него желанным пристанищем. Убранство комнаты свидетельствовало о вкусе, богатстве и могуществе рода Лендейл.

Но сейчас эта комната казалась ему тюрьмой.

Джек встал и направился к стеклянным дверям, по пути машинально протянув руку, чтобы крутануть самый большой и старый из глобусов.

«По правде говоря, тебе следовало бы продать его, дружнице, вместе с остальными».

Возможно, так и придется сделать. За эти глобусы вместе со старинными томами на полках можно получить кругленькую сумму от какого-нибудь коллекционера.

Отбросив эту неприятную мысль, Джек вышел на террасу и поднял лицо к клонившемуся к горизонту солнцу. Лето выдалось холодным и дождливым, так что редкие проблески солнца неизменно улучшали настроение.

Джек оглядел лежавший перед ним небольшой участок своих владений. Сад за домом всегда радовал глаз великолепными розами, цветущими кустарниками и живыми изгородями. И хотя розы все еще пышно цвели, а плющ и жимолость буйно увивали каменную балюстраду террасы, сад теперь сложно было назвать безупречным. Живые изгороди выглядели слегка неровными и неухоженными, розы почти одичали и разрослись, а трава на лужайке превратилась в бурьян. Старый Мертон, главный садовник, старался изо

всех сил, но Линдзи был вынужден в прошлом году уволить нескольких его помощников. Только огороды при кухне по-прежнему оставались в отличном состоянии, и все благодаря Лии. По словам экономки, девушка усердно помогала Мертону ухаживать за обширными грядками с зеленью и овощами, обеспечивавшими дом достаточным количеством провизии.

«Лия, что же мне с тобой делать?»

Хоть Джек и возвратился в Стоунфелл два дня назад, с ней еще не встречался. Это было для него непривычным и неприятным. Джек полюбил эту девочку почти с первой минуты, как ее увидел много лет назад. Тогда она была еще очаровательной шаловливой малышкой. Он всегда считал Лию не только членом семьи, но еще и другом, причем очень хорошим. Хоть она и была на пять лет младше, Джек давно уже доверял ее суждениям. Лию всегда отличал добрый легкий нрав, который ничуть не вредил невероятной практичности. По словам Линдзи, она знала об управлении этим поместьем больше, чем кто-либо еще, потому что выросла здесь и любила Стоунфелл с пылкой преданностью, намного превосходившей привязанность к этому поместью любого из членов семьи Истон.

К сожалению, ее преданность Стоунфеллу, скорее всего, не будет вознаграждена по достоинству. Из всех проживающих в поместье Лия и Ребекка Кинкейд были наиболее уязвимы и беззащитны.

Джек не мог больше откладывать неприятный разговор о печальном положении своих дел. Какая ирония судьбы! Теперь, когда он мог наконец видаться со своей дорогой подругой так часто, как ему хочется, ему приходилось избегать ее.

Выйдя через калитку в дальнем конце сада, Джек зашагал по красивой, обсаженной деревьями аллее к маленькому коттеджу «Колокольчик». Здесь, в прежнем вдовьем доме, дядя Артур поселил свою любовницу. Коттедж находился достаточно далеко от усадьбы, чтобы не мозолить глаза, но все же в досягаемости для прежнего маркиза, так что он мог с легкостью посещать некогда печально известную Ребекку Кинкейд, когда ему вздумается. Джек всегда считал такое положение вещей пережитком Средневековья и страшно несправедливым по отношению к Ребекке и ее внучке. Конечно, за долгие годы он привык к этой странной ситуации, как и большинство соседей, в особенности тех, кто добывал себе средства на жизнь работой в поместье. Не вызывало сомнений, что маркиз страстно и верно любил свою фаворитку и ожидал, что все в его окружении примут ее присутствие в его жизни как непреложный факт, однако мать Джека, естественно, не могла с этим смириться. И теперь, когда он стал маркизом Лендейлом, она ожидала, что он сделает то, что называла моральным долгом.

Свернув в сторону, Джек увидел возвышающуюся над деревьями красную черепичную крышу коттеджа со старыми, устремленными в небо трубами. Коттедж «Колокольчик» по-

ходил скорее на маленькую виллу, чем на сельский дом. Выстроенный в стиле эпохи короля Якова I, он словно состоял из одних острых углов под двускатной крышей. Расположенный в стороне от главной аллеи, скрытый среди высоких ясеней и платанов, коттедж был окружен старинным цветочным садом с великолепными кустами роз, но в отличие от большого сада при особняке, клумбы здесь содержались в идеальном порядке, и спасибо за это надо было сказать исключительно Лии.

Она всегда любила работать в саду и никогда не боялась испачкаться или промокнуть. Еще маленькой девочкой она была тенью Мертона, копируя каждое его движение. Ее энтузиазм и жизнерадостность покорили неприветливого старого садовника, как и почти всех остальных в Стоунфелл-Холле.

Джек всегда полагал, что именно Лия была истинной причиной того, что слуги поместья и местные жители в конце концов итоге приняли Ребекку. В обществе обычно не считалось нормой поселять любовницу у себя на заднем дворе, но его дяде с невольной помощью Лии это удалось.

Джек постучал в парадную дверь, подождал несколько минут и постучал еще раз. Одно из окон гостиной, справа от двери, открылось, и выглянула Ребекка. Волосы ее, слегка тронутые сединой, были красиво уложены, как всегда, и покрыты белоснежным чепцом.

– Ах, мой дорогой лорд Лендейл! – обрадовалась гостю дама. – А я одна: понятия не имею, куда ушли Сара и Лия,

служанку я отправила в деревню купить порошки от головной боли. Но дверь открыта, так что входите без церемоний.

Закрыв окно, она с исключительным достоинством прошептывала в переднюю.

Джек не смог сдержать улыбку. Как это похоже на Ребекку: сказать новому маркизу, чтобы он входил без церемоний, но не снизойти до того, чтобы самой открыть дверь. Ее нынешнее положение, может, и было сомнительным, но когда-то она считалась самой известной куртизанкой в Лондоне и долгое время оставалась любовницей маркиза Лендейла. При всей своей доброте и очаровании Ребекка не позволяла свету забыть, кто она такая и кем была когда-то.

Джек не винил ее: у нее действительно больше ничего не осталось теперь, когда мужчина, которого она так много лет искренне любила и ради которого от столь многого отказалась, умер.

Джек прошел в дом по коридору с низким потолком. Узкая лестница, начинавшаяся прямо посреди прихожей, вела на второй этаж, где располагались спальни и уединенная гостиная. Это был превосходный старый дом с украшенными причудливой резьбой дверями и стенными панелями, с изящной лепниной, но страшно нуждавшийся в ремонте, особенно крыша и печные трубы.

Джек коротко постучал в дверь гостиной, что было вовсе не обязательно, поскольку Ребекка его ожидала, но соблюдение формальностей ее радовало, а ему хотелось, чтобы она

знала: он по-прежнему уважает ее и ценит ее дружбу.

Ребекка встала, чтобы приветствовать его. Даже сейчас, в свои шестьдесят с небольшим, она оставалась исключительно привлекательной: статная, с пышной фигурой и изысканными манерами. И все же, несмотря на радостную улыбку, Джек разглядел грусть в глубине ее синих глаз и усталость в сеточке морщинок вокруг них. Прошло чуть больше трех месяцев со дня кончины его дяди, но Ребекка явно все еще горевала. Будучи фактически женой почившего маркиза, бедная женщина не имела возможности даже присутствовать в церкви на отпевании, не говоря уже о том, чтобы получить сочувствие со стороны родственников и друзей.

– Тетя Ребекка, очень рад вас видеть. – Джек наклонился и поцеловал ее в щеку, как обычно, когда не было свидетелей.

– Дорогой мальчик, как хорошо, что ты зашел! – Ребекка указала ему на кушетку напротив своего кресла. – Мы с Лией уже отчаялись тебя увидеть.

– Прошу прощения: вчера просто погряз в бумажной работе и нескончаемом потоке... дел. – Джек чуть было не сказал «неприятностей».

– Да, у тебя теперь масса работы, ведь надо заниматься делами поместья и знакомиться со своими новыми обязанностями. Если тебе нужна помощь, всегда можешь обратиться к Лии. Иногда мне кажется, что она знает Стоунфелл не хуже мистера Линдзи.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Джек. – Кстати, где она?

Ребекка взглянула на часы, приколотые к корсажу платья.

– Удивительно, что ты не столкнулся с ней по дороге: к этому времени собиралась вернуться. Она побежала в конюшни: Доркас, похоже, нужны новые подковы, вот она и хотела поговорить с конюхом. То есть, конечно, если это не слишком хлопотно.

Дядя Джека всегда разрешал Лии ездить на любой лошади, на какой она захочет, и даже выбрать одну специально для себя.

– Не стоило даже спрашивать.

– Спасибо, – произнесла Ребекка с облегчением. – Мы терпеть не можем навязываться. Но ты ведь знаешь, Лия не стала бы просить без необходимости.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, тетя Ребекка. Ну а теперь расскажите, как ваши дела. Надеюсь, у вас все в порядке.

Пока они беседовали об обычных вещах вроде погоды, Ребекка старалась казаться веселой, но Джек видел, как она напряжена. Его дядя был краеугольным камнем ее ограниченной и с каждым годом становившейся все более стесненной жизни. Без него она, должно быть, ощущала всепоглощающую неуверенность в своем будущем.

– А как твоя поездка в Линкольншир? – спросила Ребекка. – Полагаю, свадьба герцога Левертонна прошла без помех?

Ее нарочито беспечный тон не обманул Джека.

– Это было маленькое семейное торжество в узком кругу, но тем не менее очень радостное. И я доволен, что Лия еще

не вернулась, потому что как раз хотел бы поговорить с вами об этом.

– Да, именно это я и ожидала услышать, – сказала она с грустной улыбкой. – Ты хочешь знать, должен ли рассказать Лии, что Джиллиан Драйден – новая герцогиня Левертон – ее кузина.

Джек бился над этим вопросом несколько недель. Левертон – его ближайший друг, а это означало, что Джиллиан теперь станет частью жизни Джека. Внебрачная дочь герцога Камберлендского, пятого сына короля Георга и брата принца-регента, приходилась Лии, внебрачной дочери герцога Йоркского, второго сына короля, двоюродной сестрой.

– Да. Естественно, я понимал, что сначала стоит обсудить эту ситуацию с вами. Но вы должны иметь в виду, что в любой момент Левертон с герцогиней может посетить Стоунфелл.

Хоть на лице Ребекки на миг и промелькнуло смятение, ее впечатляющая выдержка одержала верх.

– Конечно же, этого следует ожидать. Как ты знаешь, твой дядя редко принимал гостей из-за своего здоровья. – Она выдавила улыбку. – Но я уверена, что у тебя все будет иначе. Ты захочешь принимать у себя друзей, так же как твоя матушка и сестра.

Лучше бы было в данный момент не упоминать о его родственниках.

– Я не планирую устраивать в особняке пышные прие-

мы. – В особенности если учесть, как чертовски дорого они обходятся. – Но нам следует по меньшей мере предусмотреть такую возможность.

– Понимаю. И успокойся, пожалуйста. Лия прекрасно знает, что герцоги королевской крови щедро одаривали своей благосклонностью очень многих.

Джек чуть не рассмеялся, услышав ее туманную метафору. Ребекка, хоть и была известной куртизанкой, всегда проявляла деликатность, когда речь заходила о скандальном поведении. Действительно, они с дядей всегда напоминали Джеку щепетильных супругов, женатых целую вечность. В отношении эмоций так оно и было. К сожалению, их неизменная преданность друг другу мало значила в глазах света, а в глазах закона она и вовсе не значила ничего.

При всей его доброте дядя Артур оказал Ребекке плохую услугу. Ему следовало или жениться на ней давным-давно, или распрощаться с ней, чтобы она смогла найти себе богатого покровителя. Ребекка могла бы стать состоятельной женщиной, если бы осталась в Лондоне и выбирала любовников, способных вознаградить ее небольшим состоянием. Но его дядя был слишком эгоистичным, чтобы отпустить ее, и слишком слабым, чтобы противостоять сопротивлению родственников, возражавших против его женитьбы.

– Значит, Лия знает, что ее ситуация не уникальна? – спросил Джек.

– Разумеется. Невозможно было бы не услышать о детях

герцога Кларенса, например. Тем более что миссис Джордон когда-то вращалась в тех же театральных кругах, что и моя собственная дочь.

Ребекка недовольно скривила губы, что ясно показывало ее мнение о любовнице Кларенса, матери его многочисленных детей, но это могло также быть свидетельством того, что она чувствует себя обиженной. Кларенс признавал всех своих внебрачных отпрысков и даже старался обеспечить средствами к существованию. Совсем не так обстояли дела с Лией и ее матерью.

– Но, как правило, мы не обсуждаем подобные вещи, – добавила Ребекка. – Герцог Йоркский никогда даже не признавал Лию. И моя дочь всегда старалась оградить девочку от сплетен, которые возникают при контактах с герцогами королевской крови, предпочитая, чтобы ее дочь безбедно и безмятежно жила в сельской глуши здесь, со мной.

Последние десять лет мать Лии, Марианна Лестер, состояла в браке с антрепренером популярной театральной труппы. Обычно они выступали в провинции, однако недавно труппа Стивена Лестера подписала контракт с театром в Лондоне. Лии больше всего на свете хотелось бы проводить время с матерью, но Джек не мог не испытывать огромного облегчения оттого, что она оставалась в Стоунфелле. Ведь театральная среда – рассадник непристойных скандалов и сплетен – совершенно неподходящее место для такой невинной девушки, как Лия.

– С этим я полностью согласен, – сказал Джек. – Но все еще остается вопрос о герцогине Левертон. Думаю, нам придется вскоре сообщить Лии, что у нее есть кузина, которая, вероятно, в ближайшие несколько месяцев захочет встретиться с ней. Если мы не сделаем этого, герцогиня скорее всего возьмет это дело в свои руки.

Единственной причиной, почему Джиллиан не мчалась во весь опор в Йоркшир прямо сейчас, было то, что Джек взял с герцога клятву держать это дело в секрете по меньшей мере в ближайшее время. Как только Джиллиан узнает, ее будет не остановить.

– Скорее всего, – согласилась Ребекка. – Хотя я не вижу, какая польза Лии от этого родства. Ведь герцогиня Левертон, несмотря на ее незаконное происхождение, дочь аристократов и член королевской семьи: у нее самая голубая кровь во всей стране, в то время как Лия...

– Родом из доброго английского племени и имеет любящих ее мать и бабушку, – перебил ее Джек.

Ребекка Кинкейд происходила из семьи преуспевающих лондонских купцов и могла бы вступить в респектабельный брак, если бы судьба не распорядилась иначе.

Женщина вознаградила его теплой улыбкой.

– Благодарю тебя, Джек. Ты всегда был очень добр к нам. Ничего удивительного, что моя внучка готова целовать землю, по которой ты ступаешь.

Ее замечание вызвало у него удивление: уж больно стран-

ным показался ему такой способ охарактеризовать привязанность к нему Лии.

– Благодарю вас. Значит, как я понимаю, вы не хотите сообщать Лии о ее родстве с герцогиней Левертон или какими-либо еще высокопоставленными персонами, по крайней мере в настоящее время?

– Да, – кивнула Ребекка. – Я должна обдумать, как лучше преподнести все это внучке. Нельзя допустить, чтобы у Лии возникли какие-либо напрасные ожидания из-за родства с герцогиней или чтобы она возлагала на нее какие-то надежды. Это только причинит ей душевную боль. Она никогда не сможет вращаться в столь высоких кругах и не должна питать никаких иллюзий на этот счет.

Мнение Ребекки в данном случае было скорее всего правильным. В отличие от Джиллиан Лия не могла рассчитывать на то, что ее благожелательно примут в среде аристократов или хотя бы сельских джентри. Заветным желанием Ребекки всегда было достойно выдать Лию замуж за местного торговца или зажиточного фермера. И Джек всегда знал, что это был бы лучший, удачнейший выход для нее. Но даже такое будущее было для нее под вопросом из-за глупости и упрямства его дяди.

– Хорошо. Полагаюсь на ваше мнение. Но когда Левертонны придут в Стоунфелл, нам придется сказать Лии правду, если не раньше.

Похоже, Ребекка испытала облегчение, словно ожидала

возражений.

– Конечно, мой дорогой мальчик. Спасибо, что доверяешь мне.

Они услышали торопливые шаги в коридоре, а спустя мгновение дверь в комнату распахнулась и в гостиную ворвалась Лия.

– Ох, будь оно неладно! Джек, я понятия не имела, что ты здесь, но как только Мертон сказал, что видел, как ты шел через сад, примчалась сюда из большого дома. – Девушка положила ладонь на его предплечье и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать в щеку. – Ужасно, что меня не было дома, чтобы приветствовать тебя. Пожалуйста, прости.

Джек выглядел несколько ошарашенным, словно получил осязаемый удар по голове.

Он не видел Лию с похорон дяди, когда от горя и волнений ее красивое лицо выглядело бледным и измученным. В траурном одеянии, завернутая в тяжелые шерстяные шали, чтобы не замерзнуть под холодным весенним дождем, Лия казалась несчастным ребенком, остро нуждавшимся в материнской любви и утешении. Теперь же она стала совсем взрослой, к тому же настоящей красавицей.

Она смотрела на него большими, светящимися любовью ярко-синими глазами. Ее румяное лицо со слегка вздернутым носом и сочными розовыми губами в обрамлении темных шелковистых волос, собранных на макушке в простой узел, из которого выбилось несколько непослушных пря-

дей, было прелестно. Выцветший зеленый костюм для верховой езды с украшенным вышивкой корсажем плотно облегал стройное тело с весьма привлекательными формами.

И когда, черт возьми, у Лии успела появиться грудь?

В последние три года Джек редко бывал в Стоунфелле. Большую часть времени проводил на континенте со своим полком, – а тем временем его маленькая подруга превратилась в невероятно привлекательную женщину.

И весьма волнующую.

Она наморщила лоб, и ее лучезарную улыбку сменило недоумение.

– Джек, у тебя такой вид, будто ты меня не знаешь. О, неужели я повела себя слишком фамильярно?

Она поспешно отступила на шаг и присела в глубоком реверансе.

– Извините меня, милорд. Я не сумела сдержать свою радость.

Это привело его в чувство. Он притянул девушку к себе и сжал в крепких объятиях, остро ощущая, как ее мягкие груди прижимаются к его твердому телу.

– Глупышка, конечно же, нет! – Он коротко поцеловал ее в макушку, прежде чем отпустить. – Просто я слегка удивился, увидев тебя, вот и все. Ты очень повзрослела и, должен заметить, выглядишь превосходно.

Лия сморщила нос.

– Это наглая ложь: выгляжу я ужасно, но мне не хотелось

тратить время на переодевание: боялась не застать тебя.

Ребекка окинула внучку критическим взглядом.

– Да, выглядишь ты не лучшим образом. Вот уж не знала, что ты собираешься заняться заменой подков у кобылы сама, но грязь на подоле твоей юбки позволяет предположить, что это именно так.

Лия весело рассмеялась, и от этого легкого чистого звука в груди Джека растаял тугой комок, поселившийся там несколько недель назад. Он и забыл, как всегда его радовал ее смех!

– Бедняга Маркуит так занят последнее время, вот я и решила ему немного помочь и отвести Доркас в кузницу, чтобы избавить его от необходимости заходить за ней.

Джек мысленно выругался. В прошлом году его старший конюх был вынужден уволить двух грумов, трудившихся в конюшне. От сознания, что Лии пришлось выполнять обязанности подручного конюха, тугой комок у Джека в груди образовался вновь.

– Сожалею, что тебе пришлось этим заниматься.

– Знаешь, я ничего не имею против, – легко возразила девушка, присаживаясь на скамеечку у ног бабушки.

Ребекка протянула руку и любовно пригладила густые растрепавшиеся волосы внучки. Было видно, как они близки: пожилая дама и совсем юная, – ведь после смерти Джека у них больше никого не осталось.

Кроме него.

– В следующий раз, когда тебе что-нибудь понадобится, просто скажи мне, и я сам позабочусь об этом.

– Хорошо, – кивнула Лия, высоко подняв брови. – Я скажу, если застану тебя дома, но такое бывает не слишком часто.

Ребекка предостерегающе хлопнула ее по плечу.

– Не подобает так разговаривать с его светлостью, любовь моя.

Лия округлила глаза в притворном ужасе и отвесила Джеку комичный поклон, почти коснувшись носом пола:

– Простите мне мою дерзость, лорд Лендейл, умоляю вас! Ох, надеюсь, я не оскорбила вашу светлость.

– Озорница! – рассмеялся Джек, качая головой.

– Извини: не могу удержаться, просто я очень рада тебя видеть. – Она взглянула через плечо на Ребекку. – Мы так сильно скучали по тебе, правда, бабушка?

– Конечно, скучали. Но жизнь очень изменилась за эти дни, и мы все должны с этим смириться, – печально произнесла та.

«И также покончить с этим навсегда».

– Да, и в связи с этим, – проговорил Джек, – мне необходимо обсудить с вами одно дело.

Ребекка оживилась, что заставило его почувствовать себя еще хуже. Он старался подобрать нужные слова, чтобы смягчить удар.

После нескольких секунд напряженного молчания Лия

сердито вздохнула.

– О черт! Я так и думала. Ничего удивительного, Джек. Просто скажи все как есть.

– Что ты имеешь в виду? – Он никогда не обсуждал с ней дела поместья.

– Что твой дядя оставил нас без гроша, разумеется, а твоя мать хочет, чтобы ты выставил нас из поместья и выселил из «Колокольчика» как можно скорее.

Когда он молча уставился на нее, разинув рот, словно неотесанный крестьянин, Лия с цинично понимающим выражением лица насмешливо приподняла брови и заключила:

– Вижу, права по обоим пунктам. До чего же нам не везет!

Глава 2

– Закрой свой рот, лорд Лендейл, – сухо проговорила Лия. – Ты выглядишь как деревенский дурачок.

Губы Джека изогнулись в характерной для него невеселой улыбке, от которой у Лии всегда замирало сердце. Ни разу за все эти годы он не говорил с ней сердито или раздраженно, хотя она не раз давала ему повод. Он был добрейшим человеком из всех, кого она встречала.

– Лия Беатрис Кинкейд! – в ужасе воскликнула Ребекка. – Сию же минуту извинись перед его светлостью! Мы здесь только благодаря его милосердию и щедрости, или ты забыла?

– Ох, ну ладно, – вздохнула Лия. – Прости меня, Джек. С моей стороны большое свинство так говорить с тобой. Пожалуйста, прими мои искренние извинения.

Его улыбка исчезла, и он покачал головой. Он выглядел таким измученным и отчаявшимся! Лия лучше, чем кто-либо другой, знала, что для Стоунфелла настали тяжелые времена. Но поведение Джека наводило на мысль, что положение дел еще хуже, чем она думала.

– Нет, это я должен извиниться перед вами обеими, потому что Лия права.

Сердце девушки, видно, никак не могло решить, то ли ему подпрыгнуть до горла, то ли уйти в пятки. Ей пришлось

несколько раз сглотнуть, прежде чем она сумела ответить.

– Нам нужно несколько недель, чтобы собраться и распорядиться насчет хранения наших вещей. Впрочем, поскольку большая часть мебели принадлежит тебе, я думаю, что недели с небольшим будет достаточно.

Теперь и Джек, и Ребекка ошеломленно уставились на нее.

– Что? – спросила девушка. – Очевидно, твоя мать хочет снова превратить «Колокольчик» во вдовый дом. А это означает, что нам нужно выбираться отсюда как можно скорее.

– Вы никуда не уйдете, – возразил Джек сквозь стиснутые зубы. – Коттедж «Колокольчик» – ваш дом. И будет им до тех пор, пока вы сами этого хотите.

Лия заметила, что он не стал отрицать, что его мать собиралась отобрать «Колокольчик». Не то чтобы леди Джон планировала поселиться здесь в то время, пока Джек еще оставался холостяком, – нет, она станет жить в Стоунфелл-Холле как хозяйка поместья, пока это возможно. Выдворить их из коттеджа нужно было лишь для того, чтобы избавить поместье от их «пагубного присутствия», как леди однажды выразилась, – Лия тогда нечаянно подслушала ее разговор. Леди Джон ненавидела бабушку и вот нашла повод наконец от нее избавиться.

Ее милость не питала также привязанности и к Лии. По правде говоря, леди Джон всегда осуждала дружбу своего сына с представительницами первого и третьего поколений печально известных Кинкейдов. И, вероятно, даже усматрива-

ла в Лии угрозу моральным устоям Джека.

Это было просто смешно. Во-первых, Джек никогда бы не стал бесчестить доброе имя какой-либо женщины. Впрочем, репутация семьи Лии отнюдь не покрыла девушку славой. Во-вторых, что более важно, Джек скорее всего просто рассмехался бы при мысли о каких-либо интимных отношениях с ней. Лия готова была спорить, что подобная идея никогда не приходила ему в голову.

Это она страдала от безнадёжной любви, а не Джек. И она не ждала, что это когда-либо изменится.

– Огромное спасибо тебе, дорогой мальчик, – сказала Ребекка с благодарностью. – Я знаю, что мы всегда можем рассчитывать на твоё великодушие и щедрость.

– Как знаем и то, что не можем вечно злоупотреблять ими, – перебила бабушку Лия, бросив на неё предостерегающий взгляд.

Они уже говорили об этом, когда планировали свои действия в случае наилучшего развития событий. И, похоже, самое худшее было уже близко.

– Вы вовсе не злоупотребляете, – твердо произнес Джек. – Я считаю вас обеих своими родственницами и всегда буду ими считать.

Лия выдавила улыбку.

– Это очень великодушно с твоей стороны, Джек, но...

– Но какое это сейчас имеет значение? – На его суровом лице появилось скептическое выражение. – Ты могла бы про-

сто спросить.

– Тогда я спрошу, – сказала Лия.

Ребекка была слишком взволнованна, чтобы завести столь трудный разговор, который, по всей видимости, им предстояло, и ей пришлось взять это на себя.

– Моя бабушка, естественно, надеялась на своего рода пожизненную ренту от твоего дяди или небольшое наследство, которое дало бы нам некоторую независимость. Прошли уже недели, а мы ничего не слышали на этот счет ни от поверенного поместья, ни от тебя.

– Не то чтобы мы хотим давить на тебя, – поспешно добавила Ребекка. – Мы обе знаем, что ты очень занят: пытаешься привести дела в порядок, и вполне понятно, что у тебя не было возможности поговорить с нами.

Лия скрестила руки на груди.

– Да у нас и не было возможности поговорить с тобой об этом, потому что ты только сейчас в первый раз со дня похорон лорда Лендейла появился в Стоунфелле.

Темные брови Джека сердито сошлись на переносице, но Лию это не беспокоило. Когда все родственники нагрянули на похороны, они с бабушкой провели целую ужасную неделю практически в заключении в коттедже. Хотя Ребекка с внучкой прожили с маркизом больше времени, чем кто-либо из них, и фактически были его настоящей семьей, их не допустили на официальные церемонии. Джек забегал несколько раз, но был слишком задерган, чтобы уделять им доста-

точно внимания, а потом и вовсе исчез почти на три месяца, хотя и писал им во время своего отсутствия.

И все же это весьма смахивало на пренебрежение, что больно ранило девушку. Возможно, сильнее, чем следовало бы.

– Ну что ж, теперь я здесь, – произнес Джек. – И обещаю, что мы все уладим.

– Так что в итоге: мне положена рента или нет? – спросила Ребекка.

Джек заколебался, и Лии все стало понятно.

– Нет, бабушка, я так не думаю.

– К несчастью, Лия опять права, – с сожалением подтвердил Джек. – Дядя ничего вам не оставил, тетя Ребекка. Мне очень жаль.

– Даже самой малости, чтобы мы могли поселиться в маленьком домике в деревне? – с надеждой в голосе спросила она.

У Джека был такой вид, словно он проглотил какую-то гадость.

– Боюсь, что нет.

Лия вздрогнула. Она была готова к чему-то подобному, но все же предполагала, что они хоть что-нибудь получат, чтобы продержаться до тех пор, пока она не придумает, как им жить дальше. Боже милостивый, ведь бабушкин любовник был маркизом! Даже если поместье испытывало финансовые трудности, наверняка у него были и другие доходы, которые

ми он мог бы воспользоваться.

– А также никакого приданого мне, я уверена, – сказала девушка, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучала горечь.

Или страх, хотя именно это чувство сейчас переполняло ее и оно готово было вырваться наружу. Но без своего рода наследства, которое послужило бы ей приданым, нечего было рассчитывать привлечь внимание респектабельного поклонника. Не то чтобы у нее уже был кто-то на примете, но она знала, что бабушка возлагала на это большие надежды. Ведь его светлость много лет назад обещал, что даст Лии достаточно средств, чтобы сгладить бесчестье ее рождения.

Теперь эти надежды погибали позорной смертью. Ничего не получив, они окажутся почти в полной зависимости от Джека.

– Нет, к сожалению. – Он произнес это с той же горечью, что переполняла сейчас Лию. – Он оставил тете Ребекке некоторые личные вещи и завещал кое-что тебе – главным образом книги и несколько гравюр из библиотеки, которые тебе особенно нравились.

Лия быстро подсчитала в уме. Если речь шла о тех предметах, о которых она думала, результат окажется неутешительным.

– Боже мой, – произнесла Ребекка слабым голосом. – Обескураживающие новости, должна сказать.

Она страшно побледнела, и Лия испугалась, что бабушка потеряет сознание. Бросив гневный взгляд на Джека, кото-

рый этого вовсе не заслужил, она подошла к колокольчику и позвонила служанке.

– Сейчас мы выпьем чаю, а затем подумаем, как быть дальше. Обещаю.

– Здесь нечего обдумывать, – резко проговорил Джек. – Я буду заботиться о вас. О вас обеих.

– Отлично, совсем как прежний маркиз, – огрызнулась Лия.

Джек открыл было рот, но приход Сары не дал ему ответить. Прежняя няня Лии, выполнявшая теперь две обязанности – домоправительницы и кухарки, – внимательно посмотрела на свою хозяйку, а затем с подозрением взглянула на Джека.

Сара знала все их секреты и надежды. И все их тревоги и заботы тоже. Она связала свою судьбу с Ребеккой Кинкейд много лет назад, когда была статисткой в небольшом лондонском театре. По настоянию матери Лии она оставила свою безуспешную карьеру, чтобы заботиться о новорожденной девочке. Вместе с Ребеккой и ее внучкой она отправилась на север, посвятив им свою жизнь.

Если Кинкейды потерпели неудачу, Саре предстояло разделить их судьбу.

– Ох, я ждала Элси. Прости, что побеспокоила тебя, Сара, – сказала бабушка, явно стараясь взять себя в руки. – Но его светлость хотел бы выпить чаю. Ты не могла бы принести нам чайный поднос?

– Да, мэм, сию минуту. – Сара присела в коротком реверансе, приветствуя Джека. – Милорд.

Он тепло ей улыбнулся.

– Приятно видеть тебя, Сара. Надеюсь, у тебя все хорошо.

– Вполне хорошо, милорд... учитывая все обстоятельства, – ответила она мрачно.

Сара знала Джека с тех пор, как он был мальчишкой. Понятно, что новый маркиз впечатлил ее не больше, чем неряшливый паренек, оставлявший грязные следы у нее в кухне. И вздох Джека ясно свидетельствовал о том, что он ее понял. Лия почти начала испытывать к нему жалость.

Почти.

Девушка встала.

– Я помогу тебе с чаем, Сара.

– Ни в коем случае, – возмутилась шокированная домоправительница. – Оставайтесь здесь с его светлостью и ведите себя как подобает благовоспитанной юной леди, какой вам надлежит быть.

– О боже, – вздохнула Лия, садясь на место.

Бросив еще один хмурый взгляд в сторону Джека и пробормотав несколько неясных сердитых слов себе под нос, Сара покинула комнату.

– Извини, – обратилась Лия к Джеку. – Она слишком беспокоится о нас.

– И напрасно, – ответил он. – Как ты уже сказала, мы что-нибудь придумаем.

– Тогда, в соответствии с этим, почему бы тебе не сообщить нам, как в точности обстоят дела? – спросила Ребекка. – Я знаю, что Артур тревожился насчет некоторых своих инвестиций, но он не любил обсуждать эти вопросы со мной: не хотел волновать.

Лия едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Правда состояла в том, что его светлость предпочитал погружаться в мир приятных фантазий, когда приходил в коттедж «Колокольчик». Обсуждение финансовых проблем внесло бы неприятный тон в их отношения с Ребеккой, где обе стороны неизменно стремились сохранять безоблачную атмосферу семейного рая.

Как глупо и недалновидно с их стороны!

– Да, безусловно, – сухо ответил Джек. – Хотите знать, насколько все плохо? Не стану вас обманывать, пытаюсь преуменьшить размеры бедствия. Последние несколько лет выдались неурожайными. А мой дядя, видимо, не сумел принять необходимые решения в деле управления поместьем.

– Еще бы, – проворчала Лия.

Было хорошо известно, что лорд Лендейл зачастую пренебрегал советами своего мудрого и осторожного управляющего. Когда старому маркизу приходила в голову очередная шальная идея, как преумножить свои средства, его невозможно было разубедить.

– Прекрати, дорогая, – строго сказала Ребекка. – Не хочу слышать, как ты очерняешь добрую память моего Артура.

– К сожалению, оценка Лии абсолютно верна, – произнес Джек. – Мой дядя имел добрые намерения, но недостаточно разбирался как в делах поместья, так и в инвестициях.

Следующие несколько минут он объяснял, каким скверным бизнесменом был его дядя. К тому времени, как он закончил, Лии едва не стало дурно от ужаса, а у Ребекки был такой вид, словно она и в самом деле может потерять сознание.

К счастью, в этот момент в комнату вошла Сара с чайным подносом. Лия немедленно налила бабушке чашку чаю, а затем и другую – для Джека. Сара заполнила поднос печеньем и пирожными, но они остались нетронутыми: после страшного рассказа Джека все потеряли аппетит.

С усталым вздохом Ребекка поставила чашку на журнальный столик возле кресла.

– Мне действительно очень жаль, Джек. И сверх всего прочего у тебя на шее дополнительное ярмо из двух бесполезных женщин.

В груди Лии жарким огнем вспыхнула ярость. Она вовсе не считала себя никчемной. А ее бабушка, бросив все, посвятила свою жизнь человеку, который этого не стоил. И куда бедную бабулю завело это ее самоотречение? Мужчина, которого она любила, предал ее.

Лия с трудом сдерживала пылавший в ее груди гнев. К счастью, в этот момент Джек вступил в разговор.

– Вы ни в коем случае не должны так думать, тетя Ре-

бекка, – сказал он ласково, но твердо. – Вам лучше, чем кому-либо еще, известно, в каком глубоком отчаянии пребывал мой дядя. Он едва не лишился рассудка. Вы вывели его из депрессии и подарили ему годы счастья. Вам никогда не следует забывать об этом.

Это была очень грустная история. В молодости дядя Джека женился по любви на дочери одного из своих соседей, зажиточного джентльмена с процветающим поместьем. Леди Лендейл была, по всеобщему мнению, милой очаровательной девушкой. Они были безмерно счастливы в течение двух лет, а затем леди Лендейл трагически погибла в результате длительных мучительных родов. Новорожденный мальчик выжил, но спустя неделю у младенца начался жар и он тоже умер. Лорд Лендейл погрузился в глубокую меланхолию, продолжавшуюся долгие годы и значительно подорвавшую его здоровье. Он поклялся никогда больше не жениться, заявив, что нагоревался достаточно для одной жизни.

Хотя лорд Лендейл и не женился вновь, но влюбился опять, причем в куртизанку, настолько известную, что ни один респектабельный джентльмен не решился бы на ней жениться. Лия не могла не думать о том, что это был для него превосходнейший выбор.

Бабушка несколько раз моргнула, прежде чем одарить Джека благодарной улыбкой.

– Огромное спасибо, дорогой мальчик. Твои слова очень меня утешили.

– А вот ты, с другой стороны, – с притворной суровостью обратился Джек к Лии, – и впрямь совершенно бесполезна. Думаю, следует отправить тебя работать в конюшню, чтобы оправдать твое содержание. Или определить в кузницу.

Лия захихикала, и даже ее бабушка, казалось, слегка расслабилась. Все знали, что Лия более чем отработывает свое содержание, помогая возделывать огороды Стоунфелла и оказывая посильное содействие женам и семьям фермеров-арендаторов.

– Я могла бы принять твое предложение, если обещаешь выдать мне несколько красивых нарядов, – поддержала она шутку. – Но хватит глупостей. Мы действительно ставим тебя в трудное положение, создаем проблемы. Бабушка совершенно права.

Лия начала обдумывать план выхода из их ситуации еще с тех пор, как заподозрила, что лорд Лендейл может им ничего не оставить, но не была готова его изложить, поскольку Джек явно бы его не одобрил.

По правде говоря, он бы пришел в ярость, если бы узнал.
– Вовсе нет. Все остается по-прежнему. Вам следует отправлять все ваши счета мистеру Линдзи. И каждый месяц я буду обеспечивать вас карманными деньгами.

Лия сердито посмотрела на него.

– Не можешь же ты ожидать...

Он прервал ее повелительным взмахом руки.

– Я ожидаю только того, что ты не станешь поднимать шум

и суетиться по этому поводу. Сейчас ситуация и впрямь кажется ужасной. Но так будет не всегда. Мы с мистером Линдзи упорно и старательно работаем над тем, чтобы изменить положение вещей. И я собираюсь обсудить это с моими банкирами, когда в следующий раз отправлюсь в Лондон. Все будет хорошо, уверяю тебя.

– Но...

Он прервал ее на удивление суровым взглядом.

– Нет, Лия. Прислушайся ко мне в кои-то веки.

– Я всегда прислушиваюсь к тебе! – возмущенно воскликнула девушка.

– Извини, но мне просто смешно.

Она уже собиралась сказать очередную колкость, но бабушка предостерегающе покачала головой: очевидно, ей хотелось о чем-то предупредить внучку, но она не хотела говорить это при госте.

Джек взглянул на свои карманные часы и встал.

– Прошу простить меня, но я должен вернуться в дом. У меня назначена встреча с Джоном Хьюзом.

Мистер Хьюз арендовал самую большую ферму в Стоунфелле и, подобно остальным арендаторам, был заинтересован в том, чтобы арендная плата оставалась на прежнем уровне. Лия не сомневалась, что эта встреча будет неприятной для обоих участников, поэтому, тоже вставая сказала:

– Бедняга Джек! Сколько неприятностей обрушилось на тебя при возвращении домой! Должно быть, тебе хотелось

бы вновь оказаться на континенте, подальше от всех нас.

Твердая линия его губ изогнулась в печальной улыбке, не коснувшейся глаз.

– Вынужден признать, что бывают дни, когда я предпочел бы столкнуться со штыками французов, чем разбираться с еще одной кипой счетов, но уверен, достаточно скоро к этому привыкну.

У Лии слегка защемило сердце от сочувствия к нему. Хоть девушка с нетерпением и ждала его возвращения домой, ей было известно, что Джеку нравится служба в армии. Знала она и то, что он никогда не станет жаловаться на свои новые обстоятельства, разве что иногда грустно пошутит на этот счет. Он примет на себя ответственность, накладываемую унаследованным им титулом, хотя в действительности считает, что не слишком подходит для этой роли. И будет выполнять возложенные на него обязанности как можно лучше. Лии очень хотелось бы что-нибудь сделать, чтобы облегчить его тяжкую ношу, однако у нее не было такой возможности и никогда не будет.

Джек наклонился и поцеловал Ребекку в щеку.

– Я найду завтра или в ближайшие дни. Тогда мы сможем обсудить дела более детально. А пока вам не стоит беспокоиться.

– Благодарю тебя, дорогой, – улыбнулась сквозь слезы женщина.

Затем он сгреб Лию в крепкие объятия.

– А ты не ищи неприятностей на свою голову, лапочка. Поняла?

Девушка обняла его в ответ, на мгновение уткнувшись лицом в тонкую шерсть куртки для верховой езды.

– Должно быть, ты имел в виду какую-то другую девушку, – сказала она слегка приглушенным голосом. – Я никогда никому не доставляла хлопот.

Она почувствовала, как его губы коснулись ее макушки, потом пробормотали:

– Да, никогда. По правде говоря, даже не знаю, что бы мы без тебя делали.

Сердце девушки замерло, грудь стеснило от охвативших чувств: благодарности, печали и сожаления, – но Джек уже шагнул за порог, избавив ее от необходимости отвечать.

Лия несколько секунд смотрела ему вслед, а затем повернулась к бабушке.

К ее удивлению, Ребекка вовсе не выглядела подавленной: смирившейся – да, но также и... просчитывающей варианты?

– В чем дело? – спросила Лия.

На губах бабушки расцвела ослепительная улыбка, та самая, что, несомненно, погубила множество закоренелых повес, когда она пребывала в зените славы. Лия узнала эту улыбку: бабушка явно замыслила какую-то аферу. С тяжелым вздохом девушка устало вернулась на свое место.

– Можно сколько угодно ныть и жаловаться, дитя мое, –

сказала Ребекка, – но пришло время взглянуть правде в глаза и вести себя в соответствии с ситуацией.

– Я уже давно стараюсь поступать именно так, – ответила Лия, – но ты не хочешь меня слушать.

– Да, вынуждена признать, я позволила себе надеяться, что Артур позаботится о нас. Как глупо с моей стороны! – Ребекка покачала своей снежно-белой головой. – Прости, что подвела тебя: забота о твоём благополучии должна быть моей первой обязанностью, а я позволила своей любви к Артуру помешать этому.

– Сказать по справедливости, он поддерживал нас все эти годы. Несмотря на некоторые мелкие неурядицы, происшедшие время от времени, мы жили комфортно. И счастливо.

Большую часть времени все так и было. А многие ли из сограждан могли похвастаться этим? Лия с бабушкой любили Стоунфелл, несмотря на то что временами им случалось терпеть пренебрежительное отношение со стороны наиболее привередливых местных жителей или страдать, чувствуя себя отверженными, во время редких визитов родственников лорда Лендейла в поместье.

И конечно же, был еще Джек. Его присутствие окупало все, даже оскорбления, отверженность и дырявую крышу.

– Любовь к Артуру затмила мне разум, – призналась Ребекка. – Я поверила, когда он сказал, что всегда будет заботиться о нас. Мне следовало просить большего, когда мы со-

шлись, и настоять, чтобы он предоставил тебе своего рода обеспечение в письменном виде.

Подобные рассуждения всегда расстраивали Лию, вызывали чувство брезгливости, но соглашения такого рода были всего лишь неизбежной жизненной реальностью для женщин, подобных ее матери и бабушке. Саму ее, к счастью, такая жизнь не коснулась, ей здорово повезло.

– Ты, конечно, не будешь такой простофилей, как я, – продолжала Ребекка. – Ты прекрасно разбираешься в делах и, уверена, не позволишь мужчине воспользоваться тобой к своей выгоде. Это даст тебе прочную основу для переговоров.

Лия сидела, упершись подбородком в ладони, но слова бабушки заставили ее резко выпрямиться.

– О чем это ты, бабуля?

Ребекка чинно сложила руки на коленях и посмотрела внучке в глаза.

– Прежде чем верить свою судьбу покровителю, не забудь детально обсудить и составить соглашение об условиях твоего содержания в письменном виде. С этим я тебе помогу.

– Покровителю? – довольно резко повторила Лия. – Ты имеешь в виду...

– Любовника? Конечно! А что тебя удивляет? Разумеется, я имею в виду именно это.

Лия в ужасе уставилась на бабушку, но та, похоже, говорила совершенно серьезно.

– Но... но ведь ты всегда хотела, чтобы я нашла респектабельного поклонника... – Она запнулась. – И вышла замуж.

На мгновение в глубине синих глаз Ребекки промелькнуло выражение то ли жалости, то ли тоски, но взгляд ее тут же посуровел, а губы угрюмо сжались.

– Конечно, хотела, но мы знаем, что теперь это невозможно. Без приданого ни один респектабельный мужчина не делает тебе предложение.

– Ну... не думаю, что это действительно так. – Лия была уверена, что сын торговца сыром и другими молочными продуктами женится на ней даже против воли своей семьи. – К тому же есть...

– Джимми Ланстед? – договорила за нее бабушка.

Лия кивнула.

– Конечно же, нет. Никогда моя внучка не станет женой свиновода, – высокомерно произнесла Ребекка. – В особенности того, кто арендует свою ферму. Мы можем быть куртизанками и актрисами, дорогая, но мы также и Кинкейды. И должны держать марку.

Ее бабушка, может, и проявила ужасный снобизм, но Лия почувствовала огромное облегчение, поскольку не имела ни малейшего желания выходить замуж за Джимми Ланстеда или кого-либо еще ему подобного.

«Кроме Джека».

Лия решительно отбросила эту мысль в самый дальний уголок своего сознания, где ей было самое место – в пыльной

куче разбитых мечтаний и надежд, – и заявила:

– Относительно Джимми согласна с тобой, но не пытайся сделать из меня куртизанку: ни на тебя, ни на свою мать я не похожа.

– Глупости. Ты стала потрясающей молодой женщиной. При небольшой помощи с моей стороны и кое-какой финансовой поддержке сможешь без труда покорить Лондон.

В этих словах пожилой дамы было так много неправильного, что Лия не знала, с чего начать.

– У меня другая идея, бабуля. И я убеждена, что это лучшее, что мы можем придумать.

Ребекка потянулась было налить себе еще чаю, но рука замерла на полпути.

– Слушаю.

– Я поступлю в мамину труппу. Теперь, когда они переехали в Лондон, там набирают новых актеров. Мама сообщила об этом в своем последнем письме. Я уверена, что смогу жить вместе с ними – с мамой и мистером Лестером – в их городском особняке в Кенсингтоне.

Ребекка с сомнением покачала головой:

– К сожалению, в твоем плане имеется целый ряд существенных недостатков.

– Каких же?

– Ты не умеешь петь, танцевать или играть на сцене.

Это был удар ниже пояса.

– Певица из меня и впрямь не ахти какая, согласна, но я

уверена, что смогу научиться танцевать. И тебе хорошо известно, что я сумею изобразить кого угодно.

Лия разыгрывала различные сценки всю жизнь, сколько себя помнила, и часто в детстве мечтала пойти по стопам своей знаменитой матери. Бесчисленное количество раз за все эти годы она выступала с декламацией стихов перед бабушкой и его светлостью и устраивала представления для слуг постановками скетчей и коротких пьесок, зачастую с привлечением служанок и лакеев. Бабушка и лорд Лендейл всегда говорили ей, что она такая же превосходная актриса, как миссис Сиддонз.

– Дорогая, истина заключается в том, что ты ужасная актриса, – спокойно констатировала бабушка.

– Но вы с его светлостью всегда так восхищались моими представлениями! – возразила Лия.

– Потому что не хотели ранить твои чувства.

– А как насчет любительских спектаклей, которые я ставила в доме? Все слуги, похоже, считали, что я играла великолепно!

Ребекка ничего не ответила – только закатила глаза. Лия невольно испугалась и пришла в уныние, ведь альтернативы не было – разве только стать следующей печально известной девицей Кинкейд. Девушка была убеждена, что совершенно не годится на роль куртизанки, да и сердце ее к этому не лежало.

– Мне все равно, что ты скажешь, – заявила она. – Я сего-

дня же вечером напишу матери, что отправляюсь в Лондон. Там я смогу наконец поделиться своей идеей с ней и мистером Лестером и посмотреть, что они скажут.

Бабушка, казалось, на мгновение заколебалась, но затем недовольно поморщилась.

– Твоя мать вряд ли согласится, чтобы ты играла в театре.

– А чтобы я стала чьей-то любовницей – согласится? – усмехнулась Лия.

Ребекка надменно выпрямилась.

– Для меня такая жизнь была наилучшим вариантом, разве нет?

– И чем все это обернулось?

– Я уверена, что при определенных условиях твоя мать согласится, – гнула свое Ребекка, явно намереваясь игнорировать возражения Лии.

– И каковы же эти условия?

– Это станет ясно только после того, как мне выпадет шанс поговорить с Джеком.

На несколько мгновений у Лии помутилось в голове.

– Во имя всего святого, какое отношение Джек имеет ко всему этому? Какое ему дело, стану ли я куртизанкой?

Бабушка слегка приподняла брови.

– Поскольку тебя выводит из себя этот план, думаю, он должен стать у тебя первым.

У Лии возникло нехорошее предчувствие, и она в надежде, что не так поняла, переспросила:

– Первым? В каком смысле?

– Твоим первым любовником, конечно. Но только в том случае, если мне удастся убедить его принять наши условия.

Глава 3

– Джек, подожди, пожалуйста, – окликнул его мелодичный голос, который он знал так же хорошо, как свой собственный.

Он обернулся и увидел Лию, спешившую к нему по садовой дорожке, ведущей от конюшни. Она была в выцветшем голубом дневном платье с легким шарфом на плечах. Ее блестящие волосы были собраны в простой пучок, словно она собиралась в спешке.

Джек не мог не подумать о том, как же она хороша сейчас, когда спешит на встречу с ним, – прямо-таки домашняя версия Флоры, свежая и цветущая, как весна, и такая же чистая. Он всегда усматривал иронию в том, что дочь и внучка двух весьма искушенных женщин абсолютно невинна. Лия была воплощением молодой сельской девушки, предназначенной для счастливой жизни в качестве жены и матери. Джек очень надеялся, что все же сможет обеспечить ей все это, хотя ему и не быть тем счастливецом, который заявит свои права на эту награду.

Заявит права на эту награду?

Джек никогда не думал о Лии в таких выражениях, не стоило и начинать. К тому же он не мог позволить себе жениться на девушке, не имеющей за душой ни гроша. Его мать особо подчеркнула это обстоятельство в своем очередном полном

тревоги письме, пришедшем сегодня утром. Она вложила в него список наследниц, биографии которых тщательно изучила. Каждая из них, по ее мнению, была более чем приемлемой кандидаткой на роль маркизы Лендейл.

– Боже милостивый, какой хмурый вид! – сказала Лия, поравнявшись с ним. – Что в такую рань привело тебя в столь скверное настроение?

– Я вовсе не в дурном настроении, просто мне что-то попало в глаз.

Она взглянула на него с недоверием, но он не дал ей возможности обсудить это.

– Едва рассвело, а ты уже на ногах. Позавтракать-то хоть успела?

– Нет, только чашечку кофе выпила: хотела перехватить тебя как можно скорее.

– А-а, тогда это, должно быть, что-то важное.

– Боюсь, да, причем очень, – поморщилась Лия.

– Пойдем в библиотеку, и я распоряджусь что-нибудь подать. Не годится обсуждать серьезные вопросы на пустой желудок.

Лия улыбнулась и пошла вслед за ним.

– Я бы не отказалась от булочки и еще одной чашечки кофе.

– Думаю, мы сможем придумать что-нибудь получше.

– Ты и сам поднялся очень рано, – заметила Лия, когда они обогнули угол дома и пошли по главной аллее через сад.

День обещал быть ясным: на голубом небе – ни облачка, легкий утренний ветерок, среди ветвей деревьев с громким щебетом порхали птицы, пчелы перелетали с одного пышно цветущего розового куста на другой. Это была самая мирная пасторальная картина, которую только можно вообразить.

– Я рано проснулся и решил проехаться верхом по холмам, прежде чем приступить к текущим делам.

Это были для Джека единственные минуты отдыха, перед тем как окружить себя новыми учетными книгами, счетами и раздражающими письмами от банкиров.

– Да, я знаю. А я соскучилась по тебе, вот и забежала в конюшню, заодно и Доркас проведала.

Он бросил быстрый взгляд на ее лицо. Лия всегда свободно расхаживала по поместью и его окрестностям, и эти ее нескончаемые блуждания никогда его не беспокоили – до сих пор.

– Похоже, ты слишком много времени проводишь в конюшнях. Я знаю, что ты любишь помогать Маркуиту, но не подобает тебе этим заниматься.

Ее изящные брови потешно взлетели вверх.

– О чем, во имя всего святого, ты говоришь? Я всегда помогала в конюшне, с тех самых пор как была маленькой девочкой.

– Но ты больше уже не маленькая девочка, а взрослая женщина, и не годится бродить повсюду без сопровождения.

Она удивленно уставилась на него.

– Это мой дом, Джек. Меня здесь все знают. И потом, это ведь деревня, в конце-то концов, так что я в полной безопасности.

Он нашел ее наивность ужасающей.

– И все же не стоит постоянно околачиваться в конюшне. Если хочешь прокатиться верхом, просто отправь свою служанку к Маркуиту, и он подготовит твою кобылу.

Лия остановилась посреди посыпанной гравием дорожки и смерила его таким взглядом, будто у него не все в порядке с головой.

– Если ты не заметил, у меня нет своей служанки. У нас есть девочка, которая помогает Саре, но бедняжка и так совсем сбилась с ног. Боже мой, да что это на тебя сегодня нашло?

Пока он пытался подыскать ответ, который не прозвучал бы оскорбительно, на лице девушки появилось на удивление циничное выражение, то самое, которое он уже видел несколько раз вчера днем, во время неприятной беседы в коттедже «Колокольчик», – и ему оно не понравилось.

– Боишься, что я начну развлекаться с подручными конюха, что ли? – спросила она язвительно. – Боже мой, лорд Лендейл, строить такие пошлые предположения о старом друге?

– Ради всего святого, Лия, конечно же, нет! Я даже не думал об этом. Что за смехотворные предположения? – разозлился Джек.

– Тогда почему?

– Я не хочу, чтобы с тобой обходились неуважительно или высказывали какие-то замечания по поводу твоей репутации. В поместье ты в безопасности, но ситуация в сельской местности изменилась из-за того, что много мужчин возвращается домой с войны. Мир очень жесток, Лия, и не следует подвергать себя опасности.

Девушка закатила глаза, и он хмуро добавил:

– Поверь, я знаю, о чем говорю: ты куда уязвимее, чем себе представляешь.

– Я не тупица и прекрасно все понимаю, а также знаю, что ситуация, в которой мы оказались, просто ужасная.

– Дорогая, не нужно драматизировать: ваш с тетей Ребеккой дом здесь, в Стоунфелле, так что живите спокойно сколько угодно.

Лия скрестила руки на груди и пристально посмотрела на него.

– В самом деле? А что будет, когда ты женишься, Джек? Интересно, как твоя жена посмотрит на то, что бывшая куртизанка и ее незаконнорожденная внучка живут у вас во вдовьем доме?

Проклятье! У него была уже не одна стычка с матерью по поводу Лии и Ребекки, но свою женитьбу он еще не обдумывал, а потому понятия не имел, как отреагирует супруга на их пребывание в поместье.

– Поскольку жениться в ближайшее время я не собираюсь, на данный момент это не проблема, – уклонился он от

ответа.

– Но со временем ты обязательно женишься. И я уверена, что нормальная аристократическая мисс с неодобрением отнесется к известию, что печально известные дамы Кинкейд живут в двух шагах от большого дома. Ты хоть представляешь, какие уже сейчас ходят слухи? Все только и ждут, когда же благовоспитанная юная леди окажется в центре всей этой неразберихи.

Шуршание гравия заставило их обернуться. К ним приближался старик Мертон, который катил перед собой тачку с садовым инвентарем.

– Мы не станем обсуждать это прилюдно, чтобы какой-нибудь Том, Дик или Гарри мог нас подслушать. – Джек взял Лию под руку и потянул за собой к террасе.

– Перестань суетиться по пустякам. – Она устояла против его попытки сдвинуть ее с места. – Мертон, вам следует проверить розовые кусты у беседки: на них появились признаки заболевания.

Старик ласково улыбнулся ей.

– Я непременно осмотрю их, мисс, не сомневайтесь.

– Благодарю вас. Я наведу вас к вам, как только закончу разговор с лордом Лендейлом. Мне хотелось бы также обсудить с вами некоторые соображения насчет огорода.

– Хорошо, мисс Лия. Буду вас ждать.

Джек тихо выругался себе под нос, но Лия услышала.

– А сейчас что я такое сделала, что ваша светлость был

столь раздосадован? – спросила девушка.

– По-видимому, ты просто запомнила, что здесь, в Стоунфелле, не работаешь. Нет никакой необходимости носиться повсюду и давать указания прислуге: все способны самостоятельно, без твоих наставлений, выполнять свои обязанности.

Лия вырвала у него руку.

– Да, способны, но, если ты не заметил, в поместье катастрофически не хватает прислуги и люди выбиваются из сил. – Она отвела взгляд и часто-часто заморгала, словно в глаз попала соринка. – Я всего лишь пытаюсь помочь.

Джек раздраженно вздохнул. Черт побери, он не имел никакого права выплескивать на нее свою злость и отчаяние, тем более что она делала все, что в ее силах, чтобы облегчить ему жизнь.

– Похоже, я, как всегда, наговорил лишнего, так что можешь пнуть меня как следует пониже спины, и покончим с этим. Я определенно этого заслуживаю.

Ее встревоженно-удивленный взгляд опять метнулся к нему.

– Прости меня, дорогая, – добавил Джек. – Я не хотел тебя обидеть, но ты ведь не служанка и не должна считать, будто обязана отрабатывать свое содержание.

Лия усмехнулась и пожала плечами:

– Стоунфелл – мой дом, и здешняя прислуга – самые близкие нам с бабушкой люди, почти родня. Если я могу чем-

то им помочь, то делаю это с радостью. И хоть я и не стала бы называть это отработкой содержания, мы очень многим обязаны Лендейлам. Твой дядя поддерживал нас в течение почти двадцати лет, а сейчас ты обещал делать то же самое. Только вот должна заметить, не получаешь от этого ничего в отличие от него.

Джека несколько покорило это циничное заявление.

– Ты слишком расчетлива.

– Но ведь это же правда!

Испытывая крайнюю неловкость от этого разговора, Джек зарылся пальцами в волосы. Он всегда старался сделать все, что в его силах, чтобы оградить Лию от неприглядных сторон бытия, но теперь она стала взрослой и увидела мир как он есть, словно сняла розовые очки. Сейчас он осознал, как глупо с его стороны было думать, что он сможет уберечь ее от неизменных сложностей реальной жизни.

Когда она была маленькой девочкой, все они делали вид, что нет ничего необычного ни в ее происхождении, ни в отношениях его дяди с Ребеккой. Это было эгоистично и глупо, и бедняжке Лии предстояло сполна расплачиваться за это.

Она ласково коснулась пальцами его руки.

– Джек, мы не можем и дальше делать вид, будто ничего не изменилось или что ничего не изменится. Поэтому-то я и пришла встретить тебя так рано. Мне нужно поговорить с тобой до того, как это сделает бабушка.

– Чего хочет Ребекка?

Лия подтолкнула его к открытой стеклянной двери библиотеки.

– Поверь, тебе не нужно слушать ее.

Лучи утреннего солнца прочертили светлые полосы на библиотечном ковре, мягко высветив выцветшие узоры в голубых, кремовых и розовых тонах. Лия ловко пробралась между удобно расставленными по уютной комнате стульями и низкими столиками и плюхнулась в одно из выдавших виды кожаных кресел, располагавшихся перед письменным столом Джека.

Даже когда она усаживалась, ей удавалось выглядеть грациозной, хотя Ребекка наверняка прочитала бы ей нотацию насчет небрежной позы, с которой она развалилась в кресле, упершись башмаками в ножку письменного стола.

– Лия, не те ли это ботинки, что я купил тебе на Рождество в год твоего шестнадцатилетия? – спросил Джек, взглянув на ее ноги.

– Думаю, те самые, – смущенно улыbnулась девушка.

– Они ведь практически развалились! У тебя есть другие?

– Я надеваю эти, только когда работаю в саду. – Она опустила глаза. – Послушай, не мог бы ты перестать беспокоиться из-за таких пустяков и сесть? Ты иногда можешь быть таким занудой!

Он насмешливо фыркнул.

– Ну, это что-то новенькое. Никто никогда прежде не называл меня занудой.

– Просто никто не знает тебя так хорошо, как я, – усмехнулась Лия.

– Ты хочешь сказать, что, по-твоему, хорошо меня знаешь. Ну что ж, ладно. Не возражаешь, если я позвоню насчет еды?

Лия выпрямилась в кресле.

– Спасибо, но я не хочу: что-то пропал аппетит.

Джек повнимательнее взгляделся в ее лицо и заметил тени под глазами и плотно сжатые губы, обычно такие сочные и яркие. Девушка явно чем-то расстроена и заметно нервничала, хотя раньше он никогда за ней такого не замечал. Легкий тревожный холодок пробежал по позвоночнику.

– Что, неужели так плохо? – спросил он нарочито беспечным тоном.

– Ты даже не представляешь насколько, – со вздохом ответила она.

– Тогда нет смысла откладывать на потом, не так ли? – сказал Джек, усаживаясь напротив нее.

Казалось странным сидеть вот так – словно он всемогущий. Он все еще чувствовал себя неловко в роли владельца поместья и задавался вопросом, исчезнет ли это состояние когда-нибудь.

Лия уставилась в пол, сложив руки на коленях и крепко сжав ладони.

– Не знаю, с чего и начать...

– Ты ведь знаешь: я сделаю все, что в моих силах, чтобы

помочь тебе, дорогая.

– Как в тот раз, – вспомнила Лия с печальной улыбкой, – когда ты вызволил меня из трубы?

Как-то в детстве – лет в шесть – ей пришло в голову поиграть в трубочиста. Она протиснулась в дымоход в бабушкиной спальне и там застряла. Джек испугался за нее, но девочка упростила его ничего не говорить бабушке и никого не звать на помощь. В конце концов ему удалось вытащить ее, и все обошлось малой кровью – всего несколькими царапинами и синяками, чего не скажешь о ее платье, превратившемся в клочья. Взглянув на себя, всю покрытую сажей, она просто рассмеялась, посчитав все случившееся грандиозным приключением.

– Я знаю, – продолжила девушка, кивнув. – Ты всегда был моим лучшим другом. Более близкого друга невозможно себе представить.

Ее слова отозвались болью в его груди. У Лии не было друзей, кроме слуг поместья. И не было других близких людей, кроме бабушки и его. Во многих отношениях она находилась в своего рода странной изоляции: не в одиночестве, но лишённая родни и родственных связей, которые обычно имелись у каждой девушки в деревне.

Усилием воли он отогнал давившее на него чувство вины. Чего бы ему это ни стоило, он поступит с ней правильно. Забота о Лии никогда не станет для него простой обязанностью. Да, он не уделял ей должного внимания последние

несколько лет, но она так много для него значила, как мало кто из других близких.

– Ну ладно. Теперь, когда мы пришли к согласию, что я не так уж плох, почему бы тебе не рассказать, о чем беспокоится тетя Ребекка?

– Не то чтобы беспокоится... просто хочет, эээ, чтобы ты кое-что сделал.

Такая неуверенность удивила Джека: не в обычае Лии было проявлять нерешительность.

– Лапочка, мы не можем ходить вокруг да около весь день. Скажи же наконец, в чем дело.

– Хорошо, – тяжело вздохнула девушка. – Но, пожалуйста, поверь: это не моя идея.

– Даю слово.

Выпрямившись в кресле, девушка посмотрела ему в глаза и прямо заявила:

– Бабушка хочет, чтобы ты стал моим покровителем.

Ее слова привели его в замешательство.

– Конечно, я всегда буду опекать и защищать тебя. Разве я недостаточно ясно сказал об этом вчера?

– Да, но не покровителем в обычном смысле слова... Она имеет в виду несколько иное... в другом смысле.

Эти недомолвки и плетение словес начали его утомлять.

– Даже не знаю, что еще я должен сделать, чтобы она перестала беспокоиться. Разве что подтвердить, что всегда буду обеспечивать вас всем необходимым.

Она отвела взгляд и уставилась в окно, покачав головой и пробормотав что-то себе под нос.

– Может, ты все-таки пояснишь, что она имеет в виду? – раздраженно предложил Джек.

Лия посмотрела на него в упор, щеки ее вспыхнули, но она справилась и выпалила:

– Бабушка хочет, чтобы я стала твоей любовницей, садовая ты голова! Ты будешь моим покровителем. Так понятнее?

Джек, вероятно, стал похож на рыбу, выброшенную на берег, – его так потрясли ее слова, что дух перехватило. И все время, пока он смотрел на нее, Лия, смущенная и разгневанная, отвечала ему сердитым взглядом, в котором не было и тени любви.

В конце концов ему удалось включить несколько извилин, которые еще были способны шевелиться.

– Да это же безумие! Сделать тебя любовницей? Ума не приложу, как твоей бабушке могла прийти в голову такая нелепая идея! Это просто смешно.

Он чувствовал себя так, словно ему кирпич упал на голову. Хуже того: теперь, когда Лия изложила суть, какая-то часть его мозга – ну, скажем, не совсем мозга – допускала, что эта идея не лишена смысла. И как могло быть иначе, если девушка так выглядит: щеки горят румянцем, из прекрасных глаз буквально летят искры, а восхитительные грудки с каждым полным возмущения и обиды вздохом соблазнительно

вздываются над вырезом лифа ее простого платья.

«Возьми себя в руки, идиот!»

Сделать Лию своей любовницей было для него столь же неприемлемо, как нарядиться скоморохом и выделывать колнца в Гайд-парке.

В гневе она скрестила руки под грудью, и очаровательные пышные холмики над лифом поднялись еще выше, шарф соскользнул в сторону, и Джек представил себе, как из-за узкой полоски кружева показался упругий сосок. Эта похотливая мысль вызвала острый приступ вожделения, пронзивший его тело и сосредоточившийся в паху.

«Вот черт!»

Джек никогда не думал о Лии в таком плане, и собственная реакция привела его в ужас.

Он с усилием перевел взгляд на ее лицо, и гнев и обида, что увидел в ее глазах, мгновенно охладили весь его неуместный пыл.

– Жаль, что ты находишь эту идею столь отвратительной, – сказала она напряженно. – Конечно, я понимаю, что не могу сравниться с теми изысканными леди, с которыми ты привык близко общаться в Лондоне.

– Помилуй Бог, ты о чем? – возмутился Джек. – За кого ты меня принимаешь?

– За самого обычного мужчину. И не притворяйся девственником, будто никогда не заводил ни с кем шашни. Или не спал с... ну, сам знаешь, с кем.

Она внезапно умолкла, миг утратив всю свою уверенность. Он же уперся лбом в сложенные ладони и проговорил:

– Лия, это совершенно безумный разговор.

Она в ужасе ахнула.

– Ты что, и вправду девственник? О господи, прости меня, Джек! Должно быть, тебе было ужасно неловко.

Он хмуро посмотрел на нее.

– Мне действительно очень неловко, но не потому, что я девственник. Это, разумеется, не так, хотя это к делу не относится.

– Дело, похоже, в том, что сама идея сделать меня своей любовницей тебе невообразимо противна! – запальчиво воскликнула Лия. – Ну так знай же, что и я отнюдь не в восторге от этой идеи, Джек Истон.

– И почему же это, черт возьми? – не выдержал Джек. – Впрочем, это не важно: можешь не отвечать. Кстати, это неправда: ты мне вовсе не противна – совсем наоборот, по правде говоря.

Она часто заморгала.

– Тогда, может, все же обдумаешь возможность взять меня в любовницы?

– Боже мой, нет! – воскликнул Джек.

Лия вздрогнула и потупилась.

– Нет никакой необходимости так кричать: я не глухая.

Джек вцепился пальцами в край письменного стола и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, чтобы успоко-

иться и взять себя в руки, встал с кресла и прошел к сервировочному столику с напитками. Плеснув виски в хрустальный бокал и залпом его осушив, он почувствовал, как огненная жидкость опалила желудок, зато в голове вскоре прояснилось.

– Я бы тоже не прочь выпить, – промолвила Лия.

– Никакого виски на голодный желудок, – заявил Джек, избегая ее взгляда, пока ему не удастся обрести хотя бы некое подобие самообладания. У него возникло чувство, будто он заснул и проснулся в сумасшедшем доме.

– Зануда, – буркнула Лия.

Джек одернул сюртук и повернулся к ней, в то время как она, скрестив руки на груди и уныло ссутулившись, обиженно отвернулась. Но поскольку она никогда не унывала, Джек предположил, что это просто способ скрыть боль от непреднамеренно нанесенного ей оскорбления.

Ну кто бы мог подумать, что его реакцию на ее бредовое предложение она могла посчитать оскорблением?

– Послушай, давай забудем все, что ты только что здесь наговорила, и начнем с самого начала, как разумные люди, – предложил Джек.

– Я совершенно разумна. Это ты ведешь себя так, будто сбежал из Бедлама.

Джеку пришлось собрать всю свою выдержку, которая уже истончилась, как паутинка. Пока он ломал голову, подыскивая подходящие слова, чтобы снизить возникшую между ни-

ми напряженность, Лия со вздохом поднялась на ноги.

– Прости меня, Джек. Это было грубо и слишком самонадеянно с моей стороны. И я, конечно же, не считаю тебя сумасшедшим. Просто...

– Я ранил твои чувства, – мягко закончил он за нее.

Она улыбнулась так печально, что сердце его болезненно сжалось.

– Так и есть, до некоторой степени. Я знаю, что могу показаться тебе самодовольной дурой. И не то чтобы я и правда хотела стать твоей любовницей. Но твои слова прозвучали так, словно это самая смехотворная вещь, которую только можно вообразить. Как будто я ужасно противная, отвратительная, несмотря на все твои уверения, что это не так.

– Не говори глупости! – произнес он резко. – Просто я не думал о тебе в таком ключе.

Она вскинула голову, как любопытный щенок.

– А как ты обо мне думал, Джек?

Голова у него снова пошла кругом: на этот вопрос совсем не трудно было ответить.

– Почти как о младшей сестренке, полагаю: о той, вместе с которой провел детство, вырос.

Лия так прищурилась, словно его ответ ей не понравился.

– Я тебе никакая не сестра!

– Мне это прекрасно известно.

– Я вообще тебе не родственница.

– Да, и это я знаю. – У него едва не сломался зуб, оттого

как он стиснул челюсти. – К чему ты клонишь?

Лия подняла руку и потерла лоб, словно у нее вдруг заболела голова.

Джек так ее понимал: у него самого возникло ощущение, будто кто-то уронил наковальню ему на голову. Похоже, виски пить все же не стоило.

– Я уже забыла, о чем шла речь, как ни странно. Может, ты попытаешься как-нибудь сам сообразить?

– Охотно. – Джек подошел к ней, положил руку на плечо и опять усадил в кресло, а затем, обогнув стол, уселся в свое. – Почему бы нам не начать все сначала? Я понимаю беспокойство Ребекки о будущем, но как ей могло прийти в голову именно это? Даже с практической точки зрения это не имеет никакого смысла, потому что у меня туго с финансами. Завести любовницу не входит в мои намерения.

– Я ей говорила об этом, – угрюмо произнесла Лия. – Но она ответила, что, раз уж ты согласен поддерживать нас и оставить жить в «Колокольчике», у тебя нет причин не взять меня в любовницы. Оформить отношения, так сказать.

– Не понимаю. – Он недоуменно покачал головой.

– Составить контракт, оговорив определенные условия.

– И опять это не имеет смысла. Я и так намерен делать все это и не собираюсь выдвигать никаких...

– Условий? – закончила она холодно.

– За неимением лучшей формулировки – да.

– Мало ли что может произойти в будущем, а это все же

некая форма защиты для нас – по крайней мере, в финансовом отношении, – сказала она таким тоном, будто перед ней умственно отсталый.

И разве мог он винить ее? У него в этот момент и в самом деле заметно путались мысли, но отнюдь не от виски.

– И что же может случиться в будущем?

– Ты, конечно же, непременно женишься, – бесстрастно ответила она. – Если у меня будет официальный контракт, в котором будут оговорены... хм...

– Условия?

Она согласно кивнула.

– Тогда ты не сможешь просто выставить нас вон – во всяком случае, твоя жена не сможет.

Джеку захотелось удариться головой о столешницу: может, это не так болезненно, как стучат ужасные молотки у него в висках.

– Я уже говорил, но готов повторить еще раз, что в ближайшее время не имею намерения обзаводиться женой.

Его мать непременно нашла бы, что сказать по этому поводу, поскольку, собственно говоря, это был самый простой путь решить все их финансовые проблемы, но, по его мнению, к этому средству следовало прибегать только в самом крайнем случае. Джек не имел ни малейшего желания спешить с браком, не основанным на искренней любви и уважении. Постоянные ссоры родителей преподали ему хороший урок.

– Вот напасть-то! – буркнул Джек себе под нос.

– Прости, что?

– Я сказал, что жениться в ближайшее время не намерен.

– Да, но когда-нибудь ты ведь женишься, – терпеливо повторила девушка. – И когда это произойдет, вряд ли марка Лендейл станет терпеть возмутительное присутствие двух печально известных особ в двух шагах от своего дома.

Он хотел было возразить, но она решительно остановила его взмахом руки.

– Просто смешно даже думать иначе, и ты это знаешь.

– Я никогда не оставлю вас с Ребеккой, – повторил он упрямо.

– Возможно, ты и не захочешь, но у тебя не будет выбора.

Каждое ее слово было как укол длинной ледяной иглы в сердце. Неужели она и правда так мало ему доверяет?

– Давай больше не будем об этом. А ты твердо уясни себе: во-первых, вы можете жить в коттедже «Колокольчик» столько, сколько захотите, и, во-вторых, в мои планы не входит делать тебя своей любовницей.

– Я так и думала, – удовлетворенно кивнула Лия.

Он раздраженно взмахнул руками.

– Тогда какого черта мы ведем этот бессмысленный разговор?

Ее глаза изумленно округлились.

– Потому что в противном случае тебе пришлось бы обсуждать это с бабушкой. И она скорее всего еще попытается

поговорить с тобой.

– И я скажу ей то же самое, что и тебе: нет.

– А она просто предложит тебе что-нибудь другое, раз уж ты отвергаешь это.

– И что же это может быть?

Она смущенно поерзала в кресле.

– Бабушка думает, что если ты теперь вращаешься в свете, то хорошо знаешь многих влиятельных богатых мужчин. И раз уж ты не можешь стать моим покровителем, она хочет, чтобы ты помог мне подыскать подходящего кандидата на эту роль. Выступил бы моим поручителем, так сказать.

И снова Джек потрясенно вытаращил глаза.

– Ты шутишь!

– Да, это моя излюбленная тема для шуток, – ответила Лия с сарказмом.

Джек медленно встал, упираясь ладонями в стол и испепеляя ее гневным взглядом, словно пытался надавить на нее всей тяжестью своего авторитета. Лия только вытянула вперед скрещенные в лодыжках ноги, затем положила на живот сцепленные пальцы и, вопросительно вскинув брови, принялась ждать, что он скажет. На нее его неприкрытое раздражение явно не произвело ни малейшего впечатления.

– Позволь мне внести полную ясность в один вопрос, – начал Джек.

– Только в один?

– Лия, – предостерегающе произнес он.

– Извини. – Она сморщила нос. – Просто я еще не привыкла, что ты ведешь себя со мной как властительный лорд. Потребуется время, чтобы привыкнуть.

– Тогда тебе лучше начать привыкать, потому что я хочу, чтобы ты твердо усвоила, что я собираюсь сказать. Ты не станешь ни любовницей, ни куртизанкой.

– Ну конечно же, нет, Джек. Неужели ты и правда подумал, что я хочу пойти по стопам моей бабушки?

Он напряг все свои силы, стараясь держать себя в руках.

– По правде сказать, я не знаю, что ты в самом деле думаешь на этот счет. Полагаю, ты довела до ее сведения, как ты к этому относишься?

– Конечно, но только все без толку. Однако, как она убедительно продемонстрировала, первоначальная проблема остается. Ведь не можем же мы бесконечно рассчитывать на твою поддержку. Но я придумала другой план. И я совершенно уверена, что он сработает.

Сколько еще безумных затей выдумали они с Ребеккой?

– И какой же? – спросил он настороженно.

– Я отправляюсь в Лондон и поступаю в труппу моей матери, – с триумфом заявила девушка. – Таким образом я смогу обеспечить и себя, и бабушку. А жить я буду с моей мамой и ее мужем. Это в высшей степени благопристойно, так что даже ты не можешь ничего возразить.

Джеку ужасно хотелось вскочить из-за стола, схватить ее и как следует встряхнуть, чтобы добавить хоть немного здра-

вого смысла ей в голову. Или же привлечь ее в свои объятия и никогда не выпускать, ограждая от всех невзгод и опасностей, которые, похоже, то и дело вырастали у нее на пути, как сорняки. Конечно, он не имел на это никакого права. Но будь он проклят, если станет спокойно стоять в стороне, в то время как она, рискуя погубить себя, бросается очертя голову в опасности незнакомого ей враждебного мира.

– Ни в коем случае, – заявил он, стараясь говорить спокойным тоном. – Ты, как и я, прекрасно знаешь, что на актрис у нас смотрят точно так же, как на куртизанок. История твоей семьи служит тому наглядным подтверждением.

Лия гордо выпрямилась в кресле, глядя на Джека с высокомерием истинной принцессы.

– Если ты имеешь в виду мою мать, то она уже десять лет состоит в респектабельном браке. Мой отчим уважаемый антрепренер с безупречной репутацией.

– Да, в театральном мире. Но в обществе все еще косо смотрят на тех, кто занимается этим ремеслом, и тебе это известно.

– Но...

– И не следует забывать, что твоя мать не так давно пришла к респектабельной семейной жизни. Мы оба отлично знаем, что в свое время она пользовалась столь же дурной славой, как и твоя бабушка. Если ты станешь актрисой в ее труппе, даже под защитой доброго имени твоего отчима, это привлечет к тебе пристальное внимание именно тот тип

мужчин, которого ты пытаешься избегать. Я категорически запрещаю тебе это делать.

Лия, густо покраснев, вскочила на ноги.

– Ты мне запрещаешь? Позволь тебе напомнить, сэр, что у тебя нет на это никакого права.

– По закону, может, и нет, но тем не менее я несу за тебя ответственность. Помимо твоей бабушки я самый близкий тебе человек – ты это сама сказала всего несколько минут назад.

– Кажется, ты забываешь, что у меня есть мать и отчим, – произнесла она, смерив его убийственным взглядом. – Я сказала, что ты *был* моим лучшим другом, но сейчас начинаю в этом сомневаться, учитывая твое ужасно эгоистичное поведение.

– Боже милостивый, Лия, мое поведение вовсе не...

– Так что позволь мне внести полную ясность, ваша светлость, – проговорила девушка, ткнув пальцем в его сторону. – Ты мне не брат, не отец, вообще не родственник, чтобы иметь право командовать мной. Я взрослая женщина и неоднократно доказывала, что способна принимать разумные решения. И учитывая крайне сомнительное положение, в котором мы с бабушкой оказались, мой план, без сомнения, представляется самым практичным способом решения наших проблем. – Она драматически вскинула голову. – Тебе нечего возразить на это, лорд Лендейл.

Ее пренебрежительно-высокомерный тон и ее отказ от их

дружеских отношений вызвали нечто вроде взрыва в голове у Джека. Он обогнул стол и встал перед ней, расставив ноги и уперев руки в бока. Это вынудило Лию закинуть голову назад, чтобы взглянуть ему в глаза. Его пылающий яростью взгляд схлестнулся со столь же яростным взглядом девушки.

– Хоть мне и больно говорить с тобой так резко...

– Ха! Сильно сомневаюсь.

– Обстоятельства вынуждают меня сделать это, – продолжил он, игнорируя ее насмешку. – Ты не более актриса, чем куртизанка. Ты не более «печально известная Кинкейд», чем я. Ты невинная привлекательная юная леди, выросшая в сельской местности. И именно здесь ты и останешься, пока я не придумаю, как разрешить эту ситуацию.

Глаза ее вспыхнули ледяным синим огнем.

– Позволь не согласиться с тобой, милорд. Если я как следует постараюсь, то, без сомнения, смогу стать столь же печально известной, как и другие женщины в моей семье.

Затем Лия подняла руки и обхватила ладонями его лицо. Поднявшись на цыпочки, она впиалась ему в губы таким яростным поцелуем, что Джек едва не свалился с ног.

Лия не в первый раз целовала его, но то были легкие непорочные поцелуи в щеку. Этот же неумелый поцелуй обрушился на него, как ураган, взрываясь в его жилах изумлением. Его руки инстинктивно обхватили ее, стараясь притянуть ближе, но она оттолкнула его прочь, оставив задыхающимся, с отвисшей челюстью. Щеки ее покраснелись, а сочные

алые губы были влажными. Как и он, она тяжело дышала, но, взглянув на ее лицо, Джек подумал, что это скорее от злости, чем от страсти.

– Пусть это будет уроком тебе, Джек Истон. Ты не так хорошо знаешь меня, как тебе кажется.

Затем она повернулась кругом и направилась к стеклянным дверям. Обернувшись, она еще раз угрожающе ткнула пальцем в его сторону.

– И никогда больше не пытайся указывать мне, что я могу или не могу делать.

С этими обескураживающими словами она исчезла в сиянии утреннего солнца, оставив Джека с тревожным чувством, будто он только что полностью утратил контроль над происходящим.

Глава 4

– Мне действительно очень жаль, дорогая, – сказала Лия мать, грациозно расположившись на желтой бархатной кушетке у себя в гостиной. Как всегда, выглядела она очень элегантно и чувствовала себя непринужденно.

Этот модно обставленный особняк на тихой улице в Кенсингтоне совсем недавно снял ее муж.

Лия вздохнула и на мгновение прижала ладони к усталым глазам. Когда в очередной раз говорят тебе, что ты полная бездарность, остается только кричать от разочарования.

– Но, мама, ты же видела мое выступление лишь однажды, когда мне было всего двенадцать лет.

Она помнила тот случай совершенно отчетливо: они с бабушкой так готовились к одному из редких визитов матери в Йоркшир. Они тогда привлекли слуг и поставили сильно сокращенную версию «Ричарда III», и большинство ролей исполняла Лия.

Мать ее нарочито содрогнулась.

– Да уж, такое забыть невозможно, хоть я и ценю твою отвагу и решимость в столь рискованном предприятии.

– А я уверен, что все было намного лучше, чем тебе помнится, любовь моя, – вмешался Стивен Лестер, бросив обеспокоенный взгляд в сторону Лии. – В конце концов, воспоминания с годами тускнеют.

– У меня с памятью все в порядке, – раздраженно возразила Марианна Лестер. – За эти годы я выучила наизусть десятки ролей и не забыла ни единой строчки.

Мать Лии и в самом деле имела великолепную память и была очень хорошей актрисой, так что ее решительная и непоколебимая оценка скорее всего соответствовала действительности, и все же Лия еще не была готова сдаться.

Вместе с Сарой Роджерс Лия прибыла в Лондон накануне поздно вечером. Многодневная поездка из Йоркшира оказалась просто ужасной. Они с трудом втиснулись в переполненный дилижанс. Там было жарко и душно. Лия большую часть пути боролась с тошнотой и едва не усомнилась в правильности своего решения.

Несмотря на все неудобства, это путешествие дало ей возможность наблюдать довольно забавные и ничем не приукрашенные картины проявления человеческой природы. Когда один наглый парень на остановке попытался зажать Лию в угол на узкой лестнице, Сара отогнала придурка несколькими добрыми ударами зонтиком. И хотя эта встреча была весьма неприятной, Лия сказала себе, что это полезный опыт для начинающей актрисы. Чем больше она узнает о своих ближних, тем искуснее сможет представлять их на сцене.

– Я действительно предпочла бы, чтобы ты написала мне заранее, Лия, – жалобно произнесла Марианна. – Мы едва успели получить письмо от бабушки, а ты уже здесь, у нашего порога.

Лия постаралась придать лицу печальное выражение.

– Мне так жаль, но у меня и правда не было времени. Дела приняли критический оборот.

Это была идея Ребекки – не давать Лестерам времени на раздумья. Лия была совершенно уверена, что мать встретит ее с распростертыми объятиями, но оказалось, что Ребекка Кинкейд знала свою дочь гораздо лучше, чем Лия свою мать. Сейчас стало ясно, что она не разрешила бы дочери остановиться у них в доме, если бы только у нее была такая возможность.

Наиболее приемлемое объяснение этому состояло в том, что прежняя Марианна Кинкейд потратила многие годы, стараясь оставить позади свою дурную славу и создать себе положительный имидж респектабельной – и элегантной – жены всеми уважаемого театрального антрепренера и драматурга. Совершенная во всех отношениях миссис Лестер, похоже, не хотела, чтобы ей напоминали о старых скандалах, предать забвению которые ей стоило многих усилий. А внезапное появление в Лондоне ее дочери и явилось как раз таким неуместным тревожным напоминанием.

Но разве у Лии был выбор? Ей ничего не оставалось, кроме как обратиться за помощью к матери. Оставлять свое будущее целиком в руках Джека явно не имело смысла, как ясно показала их последняя постыдная встреча. Девушка содрогалась от смущения и стыда всякий раз, когда вспоминала потрясение на его лице, после того как открыла ему ба-

бушкины планы. Это было самое большое унижение, которое ей довелось испытать в жизни.

Хуже того: теперь она стала для Джека объектом жалости и наверняка он не горит желанием ее видеть. И раз уж она заставила его почувствовать себя так неловко, вряд ли он станет упорно бороться за них с бабушкой, когда наконец женится и его супруга потребует выселить их из коттеджа «Колокольчик».

– Ах, дорогой, я просто не знаю, что делать, – взмахнув носовым платком, сказала Марианна мужу, и Лестер, сидевший рядом на кушетке, сочувственно похлопал жену по коленке.

Сама Лия сочла мелодраматическое поведение матери несколько наигранным, но следовало признать, исполнено это было великолепно. Марианна со своими большими выразительными глазами, восхитительными манерами и фигурой, столь же стройной и элегантной, как в годы юности, была прекрасна. Даже темные волосы не тронула седина, хотя Лия подозревала, что тут не обошлось без вмешательства.

Вероятно, еще одной причиной ее нежелания видеть Лию рядом был страх, что окружающие могут догадаться, что у Марианны Лестер имеется двадцатидвухлетняя дочь. Трудно поддерживать иллюзию молодости, если рядом взрослый ребенок.

– Ай-ай-ай, дорогая, ну что ты? – произнес мистер Лестер подбадривающим тоном. – Мы что-нибудь обязательно при-

думаем. Ну а если нет, пусть дорогая Лия хотя бы погостит у нас. Подумай только, девочка не была в Лондоне с младенчества. Представь себе, какое это удовольствие – выйти с ней в люди, показать все достопримечательности, посетить театр.

Лия благодарно улыбнулась своему отчиму, лысеющему мужчине средних лет с ничем не примечательной внешностью, которого очень любила. Он больше походил на лавочника, чем на искусного драматурга и успешного антрепренера. Мистер Лестер многие годы тяжело трудился в провинции, создавая себе имя и собственную труппу, и бережно копил средства, подыскивал спонсоров. Не так давно ему удалось арендовать театр в Лондоне – в Холборне – и поселить свою жену в очаровательном особняке поблизости.

Помимо всех своих достойных уважения качеств он обожал Марианну и никогда не ставил ей в вину прошлое, включая внебрачную дочь. Он всегда относился к Лии с любовью и уважением, каждый год поздравлял с Рождеством и днем рождения, присылал в подарок книги, а также рассказывал в очень добрых письмах новости о труппе и успехах ее матери.

– Как скажешь, – пожала плечами Марианна и хмуро посмотрела на Лию. – Но я не совсем понимаю твое беспокойство, дорогая. Разве Джек не оплачивает все ваши счета? Неужели позволяет своей ужасной матери диктовать ему условия?

Лия отрицательно покачала головой.

– Нет, он проявил необычайную доброту и щедрость, но

дядя оставил его самого в ужасно трудном финансовом положении, так что он просто не сможет поддерживать нас, как прежде, достаточно долго.

– Но лорд Лендейл так поступал долгие годы. Неужели сейчас все и правда настолько ужасно?

– Да, к тому же Лендейл оставил нас с бабушкой вообще без всяких средств, – сказала Лия. – Я знаю: он очень ее любил, – но, отправившись в мир иной, оставил без гроша.

Мать недовольно поморщилась.

– Это и правда беда. Не думала, что он может оказаться таким беспечным.

– Тут можно сказать только одно, – угрюмо произнес мистер Лестер. – Должен признать, что Лия правильно оценила обстановку. Ни она, ни твоя мать не могут больше рассчитывать на нового лорда Лендейла.

– Благодарю вас! – воскликнула Лия, возможно, несколько слишком эмоционально, зато ее мать со вздохом заметила:

– Да, печально. И что думает Джек по поводу этого твоего плана? Для столь доброго и покладистого человека он слишком большой педант, когда дело касается приличий, – боюсь, совсем как его мать. В этом отношении он уж точно не пошел в отца, – добавила Марианна, многозначительно подмигнув.

Отец Джека, лорд Джон Истон, благодаря своим многочисленным постыдным похождениям пользовался почти столь же дурной славой, как и женщины Кинкейд. Лии оста-

валось только надеяться, что высказывания матери о лорде Джоне не основывались на личном опыте. Думать об этом было просто невыносимо.

– Нет смысла откапывать старые истории о покойных друзьях, – поспешно вмешался мистер Лестер. – Но должен признаться, мне чуть-чуть любопытно узнать о реакции теперешнего лорда Лендейла. Он одобрил твою поездку в Лондон?

– Скорее отнесся с пониманием, – уклончиво ответила Лия. – В конце концов, с моим отъездом у него стало одной проблемой меньше.

– Хотелось бы все же, чтобы он позаботился нанять вам экипаж или одолжил свою карету, – неодобрительно заметил отчим. – Представить себе не могу, о чем он думал, позволив вам с Сарой ехать в почтовом дилижансе.

– Думаю, это просто не пришло ему в голову, – пожалала плечами Лия. – Кроме того, это не его дело, разве не так? Джек наш друг, и ничего больше.

Ее мать и отчим недоуменно переглянулись. Лия мысленно молилась, чтобы они оставили эту тему, потому что Джек пришел бы в ярость, если бы узнал, что они отправились в Лондон в почтовом дилижансе: она ничего ему не сказала об этом, и более того: даже не сообщила, что уезжает, предоставив сделать это бабушке. У нее были некоторые опасения, что новоиспеченный лорд Лендейл, назойливо стремившийся чрезмерно ее опекать, постарается ей помешать, а она не

могла этого допустить. Джек достаточно скоро переживет ее отъезд и поймет, что так лучше для них обоих.

– Надеюсь, ты не подхватила насморк, – брезгливо поморщилась мать, озабоченно вглядываясь в лицо дочери. – В этих дилижансах можно заразиться чем угодно.

Лия заморгала, пытаясь сдержать внезапно подступившие к глазам слезы.

– Простите: что-то попало в глаз. Давайте лучше вернемся к сути разговора.

– Разве это так уж необходимо? – недовольно уточнила Марианна. – Не лучше ли принять как факт, что ты приехала в Лондон просто навестить нас, и больше не говорить об этом.

Лия постаралась справиться с разочарованием: ведь так долго мечтала воссоединиться с матерью! Как же горько было вдруг осознать, что та вовсе не разделяет ее чувства. Ей было, правда, хорошо известно, что мама, при всем ее очаровании и добродушии, особа весьма эгоистичная, так что не было смысла сейчас сетовать по поводу ее характера или позволить ей помешать осуществлению намеченных планов.

– Боюсь, это невозможно, мама, – заявила она твердо. – Впрочем, если ты находишь этот разговор слишком утомительным, я, наверное, могу обсудить сложившуюся ситуацию с отчимом.

– Пожалуйста, называй меня Стивенем, дорогая, – вмешался тот. – У себя дома мы не настаиваем на соблюдении

формальностей.

– Не могла бы ты и меня называть просто по имени? – с надеждой в голосе добавила ее мать. – Это будет не так старомодно.

Лия едва удержалась, чтобы не закатить глаза.

– Никому и в голову не придет считать тебя старомодной, мама... то есть Марианна.

Когда мать лучезарно улыбнулась ей, Лия с трудом сдержала смех: лезть, несомненно, сыграла свою роль.

– Ну ладно, давай-ка лучше обсудим, чем ты сможешь заниматься, – сказал Стивен. – Ты умеешь петь или танцевать?

– Хм... скорее нет, чем да, – пожала плечами Лия. – Но разве это так уж необходимо? Разве вы в основном не ставите драматические спектакли, главным образом классику?

– Да, так и было, когда мы гастролировали в провинции, – заметила мать. – Но в Лондоне, чтобы давать драматические спектакли, нужно иметь специальную лицензию. Стивену удастся удачно обходить ограничения с его небольшими комическими операми и музыкальными интермедиями, но мы по-прежнему обязаны следовать закону.

– Ох, – воскликнула Лия, – я совсем забыла об этом! Значит, все в вашей труппе хорошо поют и танцуют?

– По большей части, – кивнул Стивен. – Нам пришлось некоторые роли переложить на музыку и включить в спектакли пантомиму. Нам всегда требуются статисты, так что ты могла бы исполнять такие роли.

– Но, дорогой, у нас и так уже полный штат актрис, – вмешалась Марианна. – Вряд ли они обрадуются, если мы возьмем еще и Лию.

– Я уверен: мы сможем найти для нее какое-нибудь занятие, не раздражая остальных, – возразил Стивен. – Кроме того, это моя труппа, и если я захочу отдать какую-то роль своей падчерице, то так и сделаю.

Лия так обрадовалась, что едва не свалилась со стула.

– Я сделаю все, что в моих силах. Обещаю прилежно учиться. К тому же у меня отличная память. А еще я могу помогать в театре: вести какие-нибудь записи, например, или работать с костюмами. Я очень ловко управляюсь с иглой.

Марианна мгновенно оживилась.

– У нас не хватает рабочих сцены, к тому же на прошлой неделе мы лишились одной из наших швей, и Стивен пока не нашел ей замены.

– Это в целях экономии, – со вздохом возразил ее муж. – В Лондоне все оказалось гораздо дороже, чем я ожидал.

– Я готова работать и без оплаты, по крайней мере вначале, – сказала Лия. – До тех пор, пока не сумею хорошо зарекомендовать себя и заслужить признание.

Хоть девушка и надеялась начать зарабатывать деньги как можно скорее, было ясно, что в первую очередь ей необходимо добиться одобрения матери.

– Нет, это неправильно – так злоупотреблять твоей добротой, – нахмурившись, произнес Стивен.

– Чепуха! – оживленно возразила Марианна. – В конце концов, она будет жить с нами, так что мы обеспечим ей полный пансион.

– Возможно, и так, – согласился Стивен. – К тому же я смогу выдавать ей еженедельно небольшие суммы на карманные расходы, что вовсе не лишне для молодой леди.

Лия стиснула ладони, почти боясь надеяться.

– Значит, вы позволите мне остаться?

Марианна, вопросительно приподняв бровь, посмотрела на мужа, и тот утвердительно кивнул ей с улыбкой.

– Хорошо, дорогая, – обратилась мать к Лии. – Мы дадим тебе шанс и посмотрим, как пойдут дела.

Лия вскочила с места, подбежала к ней и пылко обняла.

– Огромное спасибо! Обещаю, что не разочарую вас.

– Посмотрим... – Марианна неловко похлопала дочь по спине и осторожно высвободилась из ее объятий. – Не будем давать долгосрочные обещания.

Лия не была разочарована: пусть ей пока не удалось добиться многого, но начало положено. Если все же повезет, то в следующие месяцы ее сценическая карьера пойдет в гору.

Глава 5

Войдя в вестибюль лондонского аристократического клуба «Будлз», Джек молча вручил свою шляпу лакею. Он уже несколько дней пребывал в дурном настроении, потому что до сих пор не сумел разыскать Лию, хотя находился в столице с понедельника.

Хитрой чертовке удалось ускользнуть от него. К сожалению, он поверил коварной выдумке, будто она слегла с сильной простудой и не в состоянии принимать посетителей. Он даже распорядился отправлять ей из кухни особняка мясной бульон, свежие фрукты, лучшую выпечку и деликатесы, которые могли бы соблазнить больную, несмотря на отсутствие аппетита. К тому времени как Ребекка открыла ему правду, сообщив, что три дня назад Лия уехала в Лондон в почтовой карете, было уже слишком поздно пытаться перехватить ее по пути.

При одной лишь мысли, что девушка отправилась в дорогу одна, у Джека едва не разорвалось сердце. Хорошо еще, Сара Роджерс – очевидно, единственная из домочадцев, не утратившая здравого смысла, – настояла на том, чтобы сопровождать свою воспитанницу в Лондон. А Джек не сомневался, что грозная домоправительница сумеет защитить глупышку даже от самого дерзкого наглеца.

Однако отправиться вслед за ней он смог только спу-

стя несколько дней, поскольку вынужден был вначале уладить неотложные дела в Йоркшире, в том числе с несколькими наиболее враждебно настроенными кредиторами. К счастью, управляющему удалось обеспечить ему кратковременную передышку в делах. И Джек получил возможность отлучиться в Лондон, чтобы затем возвратиться в Стоунфелл с новыми кредитами от банкиров.

Кроме того, ему предстояло еще иметь дело с матерью, а также с целым рядом лондонских кредиторов, тоже весьма недоброжелательных. Как сообщила мать в своем последнем письме, они едва не ломились в парадные двери их городского особняка на Бедфорд-сквер.

Но главной его головной болью была Лия. Может, Джек в настоящее время и не мог свободно распоряжаться своей жизнью, но в одном был твердо уверен: несносная девчонка вернется в коттедж «Колокольчик», даже если ему придется запереть ее в своей дорожной коляске и самолично отвезти на север.

Джек подавил вздох, направляясь в читальный зал престижного клуба. Он уже дважды оставлял в особняке ее отчима, на удивление элегантно, визитную карточку с припиской, что будет заходить до тех пор, пока не застанет ее дома. Их взаимоотношения явно изменились к худшему. В прошлом Лия всегда с радостью ждала его приезда, иногда даже прибегала в господский дом еще до того, как успевали распаковать его багаж.

Очевидно, то время давно прошло. Их последняя встреча обернулась такой катастрофой, что он даже не мог винить Лию за то, что девушка старалась его избегать: видимо, он сильно ее обидел.

А затем настал тот поразительный момент, когда пылкий поцелуй Лии ошеломил его до потери сознания. С тех самых пор Джек боролся с прискорбно сильным желанием вовлечь ее в еще более шокирующие отношения. Мысль о том, чтобы сделать ее своей любовницей, ужасала его, но также и привлекала гораздо больше, чем он хотел признать.

Заметив в тихом углу цель своего прихода, он направился туда. Чарлз Валенти Пенли, герцог Левертон, оторвал взгляд от газеты, которую читал, и слегка приподнял брови:

– Боже милостивый, какими судьбами ты опять здесь, в городе?

– Я тоже очень рад тебя видеть, – улыбнулся Джек. – Надеюсь, не отрываю вашу светлость от обдумывания важных государственных дел.

Его лучший друг усмехнулся.

– Я читаю последние сплетни. Обычно они более интересны, чем твоя компания, особенно когда ты так сердито на меня смотришь. Страдаешь от несварения желудка, что ли?

– А-а, знакомишься со скандальной хроникой? Неужели твоя герцогиня угодила в нее на этой неделе? Она имеет склонность вносить оживление в светскую жизнь, а в Лондоне так тихо и спокойно в это время года.

– Это слишком деликатный способ охарактеризовать рискованные приключения моей жены. Мы не попадали в историю уже несколько недель, так что, думаю, что-то непременно должно случиться.

Чарлз так театрално вздохнул, что Джек рассмеялся, а потом заметил:

– Твоя жена совершенно очаровательна, и ты обожаешь ее – как и следует, между прочим. Помнишь, я пытался ее увести, но по какой-то непостижимой причине она выбрала тебя. Наверняка потому, что ты герцог и отвратительно, безобразно богат. – Как только эти слова сорвались с языка, он недовольно поморщился: хотел пошутить, но в тоне невольно проскользнула горечь.

Чарлз же просто улыбнулся в ответ и поднялся.

– Нет, только благодаря моим изысканным манерам – во всяком случае, так Джиллиан меня уверяла. А ты знаешь, какая она формалистка в отношении благонравного поведения.

Это абсурдное заявление, заставившее Джека снова рассмеяться, сгладило неловкость момента. Герцогиня Левертон была полной противоположностью формалистке и, кроме того, одной из самых добрых и умных молодых женщин, которых Джек когда-либо встречал.

– Тебе здорово повезло! Надеюсь, ты ценишь ее по достоинству, как она того заслуживает.

– Она свет моей жизни, – совершенно серьезно сказал

Чарлз. – Даже не знаю, что бы я без нее делал.

– К тому же ее светлость умеет очень ловко управляться не только с жестокими разбойниками, но и, хуже того, с развязными аристократами.

– Кому ты это говоришь... – грустно улыбнулся герцог Лейвертон.

Сказать, что прежняя Джиллиан Драйден была дамой необычной, значило бы не сказать ничего. Однако не вызвало сомнений, что герцог и новоявленная герцогиня безумно любят друг друга и, на свой лад, представляют собой идеальную пару.

– Я искренне рад за вас с Джиллиан, – сказал Джек, посерьезнев. – Вы оба заслуживаете счастья.

Друг внимательно посмотрел на него.

– Благодарю тебя, Джек, а вот ты, похоже, чем-то расстроен – в последнее время выглядишь подавленным. Не хочешь ли отвести душу и выпить со мной немного бренди?

– Охотно выпью, но не уверен, что тебе захочется слушать исповедь о прискорбном состоянии моих дел. Они все рутинные и ужасно нудные и безотрадные, уверяю тебя.

– Не говори глупости. Я с удовольствием выслушаю любые новости, даже самые печальные. Одному Богу известно, сколько раз ты служил жилеткой для меня во времена нашей юности. – Чарлз посмотрел куда-то поверх плеча Джека и добавил: – Однако лорд Столуорт сердито поглядывает на нас: мы нарушаем порядок. Думаю, нам лучше перейти в другое

помещение клуба, где можно поговорить более свободно.

Джек последовал за другом, по пути поклонившись престарелому виконту с извиняющейся улыбкой. Столуорт, истинное воплощение дряхлости, неодобрительно прошелестел своей газетой.

Клуб «Будлз» был известен своей претенциозно великосветской атмосферой, и самые важные и знаменитые, главным образом престарелые, его члены имели обыкновение недовольно хмуриться при любом нарушении тишины и спокойствия.

Джек лишь недавно – после того как получил титул – обрел право на членство в лондонских клубах. Он смог по достоинству оценить эту возможность, поскольку именно в клубах за бренди, портвейном или за партией в карты в основном велись деловые переговоры. Но горькая истина состояла в том, что он не имел возможности позволить себе стиль жизни, связанный с клубными привилегиями: играть в карты и держать пари по разным вопросам, от малопонятных до совсем идиотских. Джек уклонялся от карточных игр и принимал участие в пари, являвшихся неотъемлемой частью светской жизни мужчины, только в тех случаях, когда был уверен в результате.

На его взгляд, главный заклад он выиграл, выйдя из сражений в Испании и Бельгии всего с несколькими незначительными ранами. Рисковать своими средствами – и безопасностью всех, кто от него зависит, – за игорным столом зна-

чило бы безрассудно искушать судьбу.

Отец Джека не раз ставил свою семью на грань разорения за карточной игрой в элитных клубах Лондона. Дядя Артур неоднократно выручал их из долговой ямы с большим ущербом для собственного кошелька, но и он растранижил огромные суммы денег, прежде чем подорванное здоровье и Ребекка Кинкейд вынудили его удалиться в Стоунфелл. Джек не имел намерения продолжить семейную традицию и спустить все до последней рубашки, а также не собирался когда-либо обзаводиться любовницей. Дядю Артура по крайней мере извиняло то, что он был без памяти влюблен в свою пассию, но отец Джека менял дорогостоящих женщин с той же легкостью, с какой записывал ставки в книге регистрации пари в «Уайтсе» или сбрасывал карты за игорным столом.

Джек и Чарлз отыскиали два места в относительно уединенном уголке, подальше от группы джентльменов, громко и открыто обсуждавших сплетни о принце-регенте и его последней, по слухам, любовнице. Это явилось для Джека еще одним неприятным напоминанием о том, что Лия вполне может тоже стать объектом подобных сплетен. Внебрачная дочь принца крови, выступающая на сцене и следующая по стопам своей скандальной матери, представляла собой самую непристойную картину, которую только можно вообразить.

Заказав бренди у проходившего мимо лакея, Чарлз откинулся в кресле, вытянув длинные, обутое в сапоги ноги. В то время как его друг выглядел полностью удовлетворенным,

Джека не оставляло чувство, будто у него в мозгу с жужжанием мечется целый рой ос.

Чарлз внимательно посмотрел на него.

– Почему ты так злобно уставился на ту компанию? Они просто страдают идиотизмом.

– Одному Богу известно, почему Принни с его похождениями дает им такую пищу для обсуждений. Разве тебя это не беспокоит?

– С какой стати? Стоит ли беспокоиться из-за того, что отец моей жены, герцог Камберленд, самый распутный из всех братьев?

Джек криво улыбнулся в ответ. Чарлз небрежно пожал плечами.

– У него настолько дурная репутация, что Джиллиан не хочет иметь с ним ничего общего. Мы условились никогда не говорить о нем и стараемся по возможности его избегать.

– И вам это в самом деле удастся? Теперь, когда война закончилась, членов королевской семьи можно встретить повсюду.

– Джиллиан не задерживается в Лондоне подолгу, так что у нас не так много возможностей наткнуться на них. К тому же большинство из них по большей части находятся вне Лондона – или в своих поместьях, или в Брайтоне с принцем-регентом. До сих пор нам везло.

– Но с началом сезона невозможно будет полностью избегать их. Что вы тогда будете делать?

– Ты спрашиваешь просто из искренней заботы о Джиллиан? – проникательно спросил Чарлз. – Или из каких-то иных побуждений?

Джека беспокоило, как сложится судьба Лии, если она останется жить в Лондоне.

– Пока что давай остановимся на первом.

– Как пожелаешь. Мы с Джиллиан решили, что будем вести себя с большинством ее высокородных родственников с общепринятым уважением и вежливостью, однако не станем признавать и поддерживать какие-либо родственные связи, в особенности с ее отцом. Джиллиан сказала, что с легкостью будет игнорировать Камберленда, если придется. И даже откажется признавать, что он вообще существует.

– У вас все пойдет хорошо, иначе и быть не может, – сухо заметил Джек.

– Ты забываешь одну пикантную подробность: ее брат по отцу – Гриффин Стил, тоже один из побочных детей Камберленда, как ты знаешь.

– Ты хочешь сказать, что он угрожал Камберленду?

Джек лишь недавно познакомился с этим бывшим боссом преступного мира, а ныне полупочтенным членом высшего общества. Никто в здравом уме не пожелал бы разгневать Гриффина Стила или схлестнуться с ним. В том числе, вероятно, и его высокородный отец, младший сын короля.

– Это бы совсем уж никуда не годилось. Однако он напомнил своему достопочтенному родителю, что тот все еще дол-

жен ему достаточно крупную сумму, оставшуюся еще с тех пор, когда Стил держал свои игорные притоны.

– Боже мой! Ты хочешь сказать, что Камберленд действительно занимал деньги у своего внебрачного сына?

– Это и в самом деле тебя удивляет? Большинство принцев делали то же самое. Стил пользуется очень большим влиянием среди членов королевской семьи, как ты можешь догадаться.

Джек не смог удержаться от смеха.

– Господи, что за сборище жалких фигляров и гороховых шутов! Значит, это Стил предупредил Камберленда, чтобы он держался подальше от его сестры?

– Предположительно это так, но мой шурин делал все возможное, чтобы защитить ее.

– Как и ты, – спокойно заметил Джек, подумав, что и он хотел бы иметь такую власть и влияние, когда дело коснется его самого.

– Естественно, но давай поговорим о твоей главной проблеме. Джиллиан горит желанием встретиться со своей кухней. Я не разделяю ее рвения, но если не поддержу жену, она наверняка что-нибудь предпримет самостоятельно, а это вряд ли пойдет мисс Кинкейд на пользу. Итак, что мы можем сделать, чтобы помочь ей сейчас, когда она в городе?

Джек тревожно напрягся.

– Откуда ты знаешь, что Лия в Лондоне? Она приехала меньше недели назад и еще нигде не объявлялась.

– Скажем так, у меня свои источники информации, – ответил Чарлз, небрежно взмахнув рукой.

– Ты имеешь в виду, что Джиллиан снова сплетничает с прислугой?

Чарлз тяжело вздохнул.

– Похоже, мне так и не удалось отучить ее от этой привычки, но на сей раз мы услышали это от Стила, который, по-видимому, знает все, что происходит в этом чертовом городе. Он на днях заявился с визитом и сообщил радостное известие, что кузина Джиллиан живет совсем неподалеку. Нечего и говорить, что моя жена очень обиделась на меня за то, что не сказал ей об этом раньше.

– И зная герцогиню, могу себе представить, как она жаждет поскорее познакомиться с Лией.

– Мне удалось удержать ее, только объяснив, что Лия, возможно, даже не знает еще о ее существовании. И что ответственность сообщить ей столь важную новость лежит на семье Кинкейд или на тебе.

Когда Джек с облегчением откинулся на спинку кресла, Чарлз насмешливо приподнял бровь.

– Значит, как я понимаю по твоей реакции, ты так и не сказал Лии о ее родстве с Джиллиан или с кем-либо из других ее родичей? – В суровом тоне его друга явно слышалось неодобрение.

– Я хотел было сказать, но ее бабушка меня отговорила, заявив, что это не пойдет ей на пользу. Ребекка считает, что

не следует позволять Лии общаться с кузиной, которая...

– Намного выше ее по положению? – Чарлз умолк, когда вернулся лакей с их бренди, но как только тот удалился, продолжил: – Джек, ты же знаешь, нас не волнуют подобные вещи.

– Поверь мне, я думаю точно так же, хотя и понимаю озабоченность Ребекки. Она уверена, что Лия и Джиллиан никогда не будут вращаться в одних и тех же кругах. Ведь Лия – внучка известнейшей куртизанки и дочь актрисы, когда-то тоже пользовавшейся дурной славой. Зато происхождение Джиллиан безупречно, и воспитана она была как аристократка. Она по праву занимает свое место в обществе – как твоя герцогиня.

– И где же, по-твоему, место Лии Кинкейд?

Джек потягивал бренди, обдумывая вопрос. Ответы на него, невольно приходившие в голову, ему очень не нравились.

– Ну уж точно не на чертовой сцене, в этом я твердо уверен.

Брови Чарлза изумленно взлетели вверх.

– А она этого хочет? Выступать на сцене вместе со своей матерью?

– Да, к сожалению. Как ни прискорбно.

– Это будет крайне неуместно. Хотя труппа мистера Лестера считается вполне уважаемой, появление Лии на сцене не улучшит ее репутацию. А она хорошенькая?

– Очень, – ответил Джек, с каждой минутой все больше мрачней: реакция друга подтверждала его собственные опасения.

– Тогда она станет мишенью для каждого чертова повесы в Лондоне. Она обсуждала свои намерения с тобой?

– Да, наряду с несколькими другими сомнительными и пугающими вариантами выбора карьеры. Я говорил ей, что ни один из них категорически неприемлем для такой прекрасно воспитанной девушки, как она.

Чарлз некоторое время непонимающе смотрел на друга, прежде чем до него дошло.

– Ты имеешь в виду, что она допускает возможность жить в полусвете?

Джек отмахнулся.

– Это скорее идея ее бабушки. Лия предпочитает выступать на сцене. К несчастью, прежде чем нам удалось как следует обсудить эти вопросы, она сбежала от меня и приехала сюда.

– Весьма предприимчиво с ее стороны – и объясняет твоё неожиданное возвращение в Лондон.

– Лия чрезвычайно находчива и изобретательна, а когда что-нибудь затевает, то обычно добивается своего.

Хоть эта ее черта была крайне полезна, когда дело касалось управления садами и огородами или помощи арендаторам в Стоунфелле, ее теперешняя авантюра грозила обернуться катастрофой.

– И ты позволишь ей реализовать это намерение? – мягко спросил его друг.

– Не говори глупости, Чарлз. Как только поймаю, сразу увезу назад, в Стоунфелл, где ей и надлежит быть. Это единственное место, где она всегда будет в безопасности.

– Ты влюблен в эту девушку, Джек?

Джек едва не выронил свой бокал.

– Ты что, совсем сошел с ума?

К сожалению, гул разговора на другом конце комнаты на время затих, и несколько человек из веселой компании обернулись, разглядывая их. Чарлз окинул собравшихся самым ледяным герцогским взглядом, тут же возымевшим обычный желанный эффект, и только после этого вернулся к беседе.

– Не надо так горячиться, Джек, иначе мы сами послужим причиной того, что о бедняжке мисс Кинкейд начнут распускать сплетни.

Джек уже и так мысленно проклинал себя за то, что так неосмотрительно себя выдал.

– Извини. А что до твоего вопроса, конечно же, я люблю Лию. И чувствую себя в ответе за нее и за Ребекку. Дядя оставил их в ужаснейшем положении. И мой прямой долг исправить это.

Чарлз элегантно повернул руку ладонью вверх.

– Значит, твои чувства к мисс Лию...

– Исключительно братские, – твердо заявил Джек. – И да-

же если бы это было не так, я ничего не смог бы с этим поделать, и тому десяток причин.

– Все говорили то же самое о нас с Джиллиан. И вот, пожалуйста, мы перед тобой, герцог и герцогиня Левертон.

– Чрезвычайно богатый и могущественный герцог Левертон и его герцогиня. К несчастью, у меня нет ни власти, ни богатства.

Чарлз нахмурился.

– Джек, я более чем готов помочь тебе с твоей финансовой ситуацией. Я легко могу ссудить...

– Бесконечно признателен тебе за щедрость, но это кратчайший путь к разрушению дружбы. Я не хочу ею рисковать.

Если бы ему удалось добыть хоть сколько-нибудь существенные дополнительные средства для разработки обнаруженных в Стоунфелле месторождений, тогда Джек мог бы обратиться к Чарлзу с предложением инвестировать в его предприятие. Но до тех пор он не хотел влезать в новые долги перед другом, которому уже и так задолжал довольно крупную сумму. Чарлз не раз выручал его в трудные моменты во время войны, когда дядя Артур не был в состоянии выслать ему обычное ежеквартальное содержание. Джек не хотел злоупотреблять добротой друга.

– Понимаю, – сказал Чарлз с сочувствием. – Но куда это заведет тебя, учитывая текущую финансовую ситуацию в Стоунфелле?

– Если мои банкиры мне не помогут, тогда придется искать подходящую наследницу, – со вздохом ответил Джек. – Мать с сестрой уже составляют список кандидаток.

– Весьма разумно. Не сомневаюсь, что они подберут для тебя самых приятных и привлекательных молодых леди.

Вопрос в том, захотят ли они выбрать *его*, еще одного нищего аристократа, по уши погрязшего в долгах.

– Но мы так и не решили, – добавил Чарлз, – как нам быть с Джиллиан, которая горит желанием познакомиться со своей новой кузиной. Мне не удастся сдерживать ее слишком долго, как ты с легкостью можешь себе представить.

– Более чем. И я непременно поговорю с Лией, как только представится возможность. – Джек бросил на друга взгляд, полный решимости. – Она должна услышать это от меня. Такая новость наверняка расстроит ее в той или иной степени, и ей захочется обсудить это с кем-нибудь близким.

По крайней мере, он на это надеялся. Вместо этого она легко могла послать его куда подальше.

Чарлз согласно кивнул.

– Я смогу уговорить Джиллиан подождать, но только не больше чем несколько дней. Дай мне знать, когда сумеешь обсудить этот вопрос с мисс Лией, и мы договоримся, как лучше всего организовать встречу этих двух леди.

– В самом узком кругу, – поспешно ответил Джек.

Невозможно предвидеть, как Джиллиан поведет себя в подобной ситуации. Скорее всего, будет вне себя от востор-

га, на его взгляд.

– Полностью с тобой согласен. – Глаза Чарлза сверкнули. – Ждем дальнейших сообщений о мисс Кинкейд в ближайшее время.

Теперь Джеку не оставалось ничего другого, кроме как отыскать зловредную девчонку как можно скорее.

Глава 6

– Лендейл, задержись на минутку.

Джеку уже почти удалось сбежать, но, как видно, сегодня судьба не была к нему благосклонна. И правда, хотя госпожа Удача не покидала его долгие годы во время войны, эта ветреная красавица явно его оставила, стоило ему вернуться домой, на зеленые берега Англии.

Когда он снова отдал шляпу лакею, дежурившему у парадной двери, парень с сочувствием еле заметно ему улыбнулся. Леди Джон загоняла всех слуг до бесчувствия, с тех пор как окончательно обосновалась в особняке на Бедфорд-сквер. Это всегда было заветной мечтой его матери, насколько Джек мог припомнить. И хотя мечта эта наконец исполнилась, оставалось решить еще достаточное количество сложных проблем, устрашающих даже его упрямую родительницу.

– Нет никакой необходимости обращаться ко мне так официально, мама, – сказал Джек женщине, ожидавшей его в дверях библиотеки. – Имя Джек отлично служило мне всю мою жизнь.

Ее тонкие подвижные брови слегка нахмурились в знак неодобрения, но она воздержалась от замечаний, пока лакей не закрыл за ними дверь библиотеки. Леди Джон подошла к одному из изящных кресел в стиле хепплауйт, сгруппиро-

ванных вокруг стола и выглядевших чересчур хрупкими для этой по-мужски обставленной комнаты. Эти предметы мебели были новыми, как и золотистые занавески на окнах. Все они были не в его вкусе, но Джек не сомневался, что мать выбрала вещи самого высшего качества и безумно дорогие.

Леди Джон села, кивком предложив сыну последовать ее примеру. Джек отмахнулся рукой, предпочитая остаться на ногах в надежде, что она поймет невысказанный намек, что он очень торопится.

– Теперь, когда ты стал хозяином этого дома, мне не подobaет обращаться к тебе столь фамильярно. Что подумают слуги?

– Что вы моя мать, а я ваш сын.

Он услышал, как с ее губ сорвался легкий вздох.

– Мой сын, как бы я ни уважала прежнего маркиза...

– Который был моим дядей и вашим деверем, полагаю.

– Ради бога, Джек, ты так и будешь меня перебивать?

Он рассмеялся.

– Извините, мама, но иногда вас так и хочется поддразнить. И я вынудил вас назвать меня по имени, что рассматриваю как маленькую победу.

Уголки ее губ слегка приподнялись. Когда леди Джон забывала свои заботы – или свою гордыню, – она превращалась в добродушную женщину, которую Джек помнил с детства. Слишком многие неприятности и обиды, перенесенные ею в жизни, со временем сыграли свою роль, и ту прежнюю доб-

рую женщину с каждым годом все труднее было обнаружить.

– Тушэ, но я остаюсь при своем мнении. При всей моей любви к твоему дяде, я считаю, что он проявлял определенную небрежность в домашних делах. И это привносило некоторую вульгарность в общую атмосферу, царившую в его доме. Ради твоего же блага нельзя допустить, чтобы такое положение вещей продолжало сохраняться. Мы можем обращаться друг к другу неофициально, когда одни, но перед прислугой очень важно соблюдать общепринятые правила приличия.

Джек знал, что спорить с ней не имеет никакого смысла, поскольку она все равно будет поступать по-своему, поэтому отдал управление городским особняком Лендейлов полностью в ее руки. Ему и без того хватало дел в Стоунфелле.

– Я целиком полагаюсь на ваше суждение в таких домашних делах, – сказал Джек.

Она окинула его пронизательным, приводящим в замешательство взглядом.

– Я знаю, что ты не любишь все эти правила и ограничения. Но, как ты хорошо знаешь, слуги имеют обыкновение сплетничать, и их разговоры никогда не остаются внутри дома, поскольку у всех есть друзья и знакомые в других лондонских благородных домах. Ты можешь думать, дорогой, что твои секреты надежно скрыты, но нет: о них уже всю судачат.

Джек удивленно вскинул брови.

– Матушка, у меня нет секретов, которые стоили бы, чтобы о них сплетничали. И даже если бы я хотел скрыть что-то интересное, то не поделился бы этим ни с кем из прислуги, включая моего камердинера. Я знаю, вы считаете, что я пренебрегаю правилами этикета, но, уверяю вас, я далеко не глуп.

Она еле заметно вздрогнула, обнаружив столь нехарактерную для нее уязвимость, и Джек мгновенно почувствовал себя виноватым. Когда дело касалось матери, чувство вины его мучило постоянно. При всей его любви к ней – и ко всем своим родным – это неприятное чувство было одной из причин, почему он рад был оставаться на континенте. Ему жилось легче, когда он был майором Джеком Истоном. Тогда единственной его проблемой были французские солдаты. И иногда ему казалось, что он понимает этих своих противников лучше, чем собственных родственников.

– Извините меня, – тихо произнес он. – Вы должны знать, как я вам благодарен за поддержку и помощь. Несомненно, вам приходилось нелегко эти последние несколько лет.

Ее ответная улыбка была теплой, но печальной.

– И ты должен знать, что я делала все ради тебя, сын мой. Я понимаю, что, должно быть, кажусь худшей из формалисток, но слишком долгое время наша семья была объектом насмешек. Потребуется масса усилий, чтобы вернуть надлежащее достоинство фамилиям Истон и Лендейл.

Джек подумал, что она преувеличивает, но мать его была

не так уж и не права, учитывая предосудительное поведение отца и дяди. Ничего удивительного, что годами безропотно страдавшая от унижения, она теперь жаждала восстановить добрую репутацию семьи.

– Я все понимаю. Ну так о чем же вы хотели поговорить со мной?

Джек очень надеялся, что не о куче неожиданных счетов за покупки. Он предоставил матери свободу действий при реорганизации домашнего хозяйства, рассчитывая на ее здравый смысл. Джек был уверен, что она не станет расходовать средства свыше их возможностей. К несчастью, он недооценил ее рвения вернуть особняку Лендейлов былую славу. По мнению леди Джон, фамильное достоинство семейства так же тесно связано с внешними аспектами, как и с подобающими формами обращения, поэтому она заявила:

– Я подумала, что нам давно пора дать званый обед. Прошло уже несколько лет с тех пор, как твоя сестра приезжала в Лондон, и мы должны устроить прием в ее честь.

Сестра Джека была замужем за состоятельным дворянином, владельцем обширных поместий в Сомерсете. Ричард Кендалл не имел титулов, но был достойным и порядочным человеком, обожал жену и детей и терпеть не мог городскую жизнь. Хотя он всегда рад был побаловать Анну, Ричард решительно возражал против поездок в столицу, соглашаясь только на короткие визиты в Лондон. Теперь, когда Джек стал маркизом, Кендалл наконец согласился разрешить же-

не подольше погостить у родственников. Она должна прибыть завтра и намеревалась остаться с ними в Лендейл-Хаусе больше месяца.

– Я уверен, что Анна будет этому очень рада, – сказал Джек. – И предполагал, что рано или поздно нам придется устраивать званые вечера.

Эта идея отнюдь не приводила его в восторг, но он отчетливо понимал, что не стоило выставлять себя нищими, чтобы не отпугнуть богатых инвесторов, которых надеялся заинтересовать своими планами по разработке рудных месторождений.

– Твоя сестра будет просто счастлива. Бедняжка Анна так долго прозябала в глуши! Я даже не знаю, помнит ли она, как выглядит настоящий приличный прием.

– Наверняка вы преувеличиваете, – возразил Джек. – Кендалл весьма состоятельный и щедрый. И насколько я знаю, души в ней не чает.

Мать раздраженно отмахнулась.

– Да, но он всего лишь деревенский сквайр, мой милый. – Она ненадолго замолкла, потом добавила: – Ты прекрасно знаешь, какие надежды мы возлагали на твою сестру, когда она дебютировала.

Анна считалась бриллиантом чистой воды, красавицей с добрым нравом и ясным умом и могла по праву рассчитывать на блестящую партию. К несчастью, из-за расточительности отца и дяди у нее почти не было приданого.

После трехлетнего пребывания на брачной ярмарке Анна так и не вышла замуж и вполне могла остаться старой девицей, если бы не Ричард Кендалл, приехавший в Лондон навестить своих аристократических родственников. Когда он сделал ей предложение, девушка согласилась, поскольку было ясно, что лучшего ей не получить. В отличие от матери, ее не смущало, что она, красавица, выйдет замуж за нетитулованного сельского джентльмена.

– Разве я мог об этом забыть, – сухо заметил Джек.

– Ты знаешь, на какие жертвы пошла твоя сестра ради нашей семьи, – язвительно продолжила мать, – и как щедро помогала нам преодолевать трудности.

– Как и Кендалл, – возразил Джек. – Он ни разу не выразил недовольства по этому поводу за все годы, хотя имел на это полное право, если учесть, как часто ему приходилось вытаскивать нас из долговой ямы. Без его помощи мы скорее всего оказались бы в долговой тюрьме.

Леди Джон покраснела.

– Я никогда не отрицала положительных качеств Ричарда, но не считаю, что следует прибегать к столь вульгарным выражениям, чтобы выразить ему нашу признательность. Ты теперь маркиз, сын мой, а не солдат на поле боя, и должен вести себя соответственно.

Джека так и подмывало сказать, что он знал много простых солдат с манерами лучшими, чем у иных аристократов, но он воздержался.

– Понимаю. А что касается званого приема, оставляю все в ваших умелых руках. Скольких гостей вы рассчитываете пригласить?

– По меньшей мере человек сорок, я думаю.

Джек растерянно заморгал.

– Так много?

Мать утвердительно кивнула.

– Это даст тебе отличную возможность познакомиться с наиболее подходящими молодыми леди из высшего общества и их родителями. Ты не можешь откладывать это надолго, Джек. Тебе нужна жена, спутница жизни.

Он ощутил неприятный спазм в животе, но ухитрился натянуть на лицо улыбку.

– Зачем? Я уверен, вы прекрасно обо всем позаботитесь.

– Джек...

– Хорошо. Я внимательно рассмотрю все кандидатуры завидных наследниц, какие вы мне предоставите, но прямо сейчас мне необходимо уйти. У меня действительно неотложное дело.

Джек наклонился, чтобы поцеловать мать в щеку, но она нахмурилась, и он замер на полпути.

– Что-то еще?

– Ты собираешься навестить ее, не так ли?

Боже милостивый!

– Вам не о чем беспокоиться, матушка.

– Я так и думала. Ты собираешься повидать девицу Кин-

кейд. – Она произнесла это не повышая голоса, но в тоне ее явно слышалось неодобрение.

– Да, – ответил он коротко.

Хоть Джек никогда и не обсуждал с матерью женщин Кинкейд, ему пришлось рассказать, почему так неожиданно возвратился в Лондон. Однажды они даже поссорились из-за Лии.

– Не понимаю, почему ты беспокоишься, – произнесла она холодно. – Ты говорил, она остановилась у своей матери и отчима. Теперь они должны заботиться об этой девушке, а не ты.

– Если бы я был уверен, что миссис Лестер будет добросовестно исполнять свои материнские обязанности, то согласился бы с вами, но поскольку она никогда не выказывала склонности оберегать собственную дочь, на нее мало надежды. Кроме того, как я уже объяснял, дом и окружение Лестеров не подходят для Лии.

– А по-моему, там ей самое место. Мисс Кинкейд сейчас как раз в своем кругу, и нечего делать вид, будто она не та, кем является, – произнесла мать, скривив губы.

Джек едва удержался, чтобы не огрызнуться в ответ.

– Несмотря на свое неблаговидное происхождение, Лия воспитывалась в поместье как благородная девушка.

– Да, настолько благородная, что воспользовалась первой же возможностью, чтобы сбежать в Лондон и стать актрисой, – саркастически заметила мать. – Глупая девчонка, по-

видимому, вознамерилась последовать по стопам своей порочной матери.

Джек сокрушенно покачал головой. В вопросе о Кинкейдах их всегда разделяла непроходимая пропасть.

– Матушка, я понимаю, что вам трудно это понять, но я несу полную ответственность за Лию. И верите ли вы в это или нет, она представления не имеет, во что впутывается. Она наивная сельская девушка, и образ жизни, который она считает для себя возможным и даже романтизирует, неизбежно ее погубит. Как ее друг, я не могу допустить, чтобы это случилось. А теперь, с вашего разрешения, я ухожу. Увидимся за обедом.

Он шагнул было к двери, но отчаяние в материнском голосе остановило его.

– Джек, подожди!

Он обернулся, и сердце его упало при виде боли в ее глазах и горестных морщинок вокруг губ.

– Ты уже все забыл? Да, ты мог сбежать – в школу, а затем в армию, – поэтому тебе не пришлось жить с этим, как мне и твоей сестре, терпеть постоянные унижения от твоего отца, закрывать глаза на его любовниц. – Она вцепилась пальцами в юбку. – Твой отец почти все время проводил с ними, дарил им драгоценности и пышные платья, в то время как я билась изо всех сил, чтобы оплатить счета. А деньги, которые он проматывал на лошадей, на азартные игры... – Голос ее задрожал, и она умолкла, пытаясь вернуть себе са-

мообладание.

Сердце Джека заняло. Он любил отца – они все его любили, включая и мать. Лорд Джон был красив, остроумен, обладал приятными манерами и легким нравом, умел очаровать любого. И что больше всего поражало, отец искренне любил их всех, но себя, конечно, гораздо больше. Подобно многим предшествовавшим ему поколениям мужчин Истонов, он был слишком избалован и эгоистичен, чтобы контролировать свои изменные потребности.

– Я знаю, что вам пришлось вынести, – тихо произнес Джек, – и очень сожалею, что не смог сделать больше, чтобы помочь вам.

Она ответила ему печальной улыбкой.

– Ты не раз пытался, но ничего не мог поделать, верно?

Несколько раз, когда было особенно плохо, Джек даже вступал с отцом в драку. Тот неизменно извинялся, проливал слезы и клятвенно обещал изменить то, что он называл своим «прискорбным характером», но его решимости хватало лишь до тех пор, пока ему на пути не встречалась очередная красotka или какая-то необычная лошадь.

– Да, но мы не были одиноки. Дядя Артур всегда делал для нас все, что мог. Он был очень щедр ко мне.

Материнская высокомерная усмешка показала, что она думает на этот счет. Она терпеть не могла то время, которое сын проводил в Стоунфелле, опасаясь, что переймет легкий нрав своего дядюшки. Еще больше ее раздражало, что дядя

Артур купил Джеку патент офицера конной гвардии, потому что в этот момент она потеряла своего верного союзника в борьбе с порочными наклонностями мужа.

– Да, и ради того, чтобы ты исполнил свою мечту, – сказала леди Джон, – мы с Анной были вынуждены пойти на многие жертвы.

– Я это понимаю и сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить будущее нашей семьи и гарантировать, что вам никогда больше не придется страдать.

– Я не сомневаюсь, что таковы твои намерения, но, по правде говоря, боюсь, что тебе грозит опасность совершить ту же ошибку, что и твой дядя, – ошибку, которая разрушит все, за что я боролась для тебя и этой семьи.

Джек в недоумении молча смотрел на нее, пока до него не дошло.

– Вы думаете, что у меня роман с Лией? Это просто смешно.

– В самом деле? – спросила она надменно.

– Вы знаете, что это так.

– Независимо от того, что я думаю, другие могут посчитать иначе.

– Другим лучше бы заниматься собственными делами. Я не стану извиняться за то, что помогаю одному из своих старинных друзей.

Его мать, растеряв остатки самообладания, вскочила на ноги.

– Джек, ты непременно должен удачно жениться. Но какая уважаемая девушка захочет обручиться с мужчиной, открыто связавшимся с актрисой, в особенности с той, которая носит именно эту фамилию? Ни одна воспитанная леди, а тем более ее родители не станут спокойно смотреть на это.

– В последний раз говорю: у меня нет связи с Лией, – процедил Джек. – И она не актриса.

Леди Джон всплеснула руками.

– Джек, имеет значение лишь то, что думают люди, а они обязательно подумают, что ты такой же, как твой отец, – завзятый распутник, который заботится только о своих животных потребностях.

Гнев и недоверие захлестнули Джека.

– Я ничуть не похож на моего отца – или дядю – в этом отношении. И вам это известно.

– Тогда оставь свою дурацкую идею, что ты что-то должен этой твари или ее семье, – взмолилась леди Джон. – Она на своем месте, а ты – на своем. Ваши пути не могут и не должны никогда пересекаться.

– Ее зовут Лия, – спокойно произнес Джек. – И она добрая и достойная девушка, которая не сделала ничего плохого никому из нас.

– Я знаю ее имя, – с горечью проговорила мать. – Это Кинкейд. И как каждая представительница этой семьи, причиняет нам зло самим своим существованием. Ради всего свято-

го, давай избавимся от них, пока опять нас не разорили.

Она резко развернулась и вышла из комнаты.

Глава 7

– Стойте спокойно, Эми, – предупредила Лия, сжимая во рту булавки, – иначе я могу вас уколоть.

Танцовщица оглянулась через плечо, глаза ее искрились смехом.

– Вы уже один раз сделали это, и прямо в задницу. Если продолжите в том же духе, я могу истечь кровью.

Лия вынула изо рта булавку и осторожно подколола ткань вдоль шва на спинке платья девушки.

– Это из-за того, что вы вертелись, как рыба на крючке. Мне не удастся убедить вас постоять спокойно хотя бы минуту.

– Я танцовщица, дорогая. Это наше занятие – быть постоянно в движении.

– Ну что ж, только не во время примерки, а то шов выйдет кривой. – Лия заколола еще несколько булавок, затем удовлетворенно кивнула: – Ну вот, теперь порядок. А сейчас немного отойдите, чтобы я могла оглядеть вас.

Эми послушно отошла на середину артистической уборной, служившей одновременно костюмерной и примерочной, широко раскинула руки и грациозно покружилась. Танцовщица была высокой и стройной, с большими темными наивными глазами и сочными губами, не соответствующими ее юному, почти невинному облику.

Хоть Эми все больше и нравилась Лии, эта девушка отнюдь не была невинной. Как и у большинства популярных балерин из труппы Лестера, у Эми имелось множество обожателей, мечтавших уговорить ее одарить их своими милостями. Ни дня не обходилось без каких-либо маленьких подарков, или коробки конфет, или букетика цветов от одного из поклонников. И Эми была не единственной, кого одаривали столь щедро. Большинство актрис регулярно получали различные презенты от своих почитателей. И Лия не питала иллюзий по поводу того, какое вознаграждение полагалось за щедрость. У Эми, самой популярной из танцовщиц, на данный момент имелось четверо воздыхателей: виконт, баронет, холостяк судья и преуспевающий галантерейщик, постоянно снабжавший ее чулками и кружевом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.